

Талисман отчаянных

Автор:

Жюльетта Бенцони

Талисман отчаянных

Жюльетта Бенцони

Талисман Карла Смелого #2

В Париже, на улице Альфреда де Виньи, случилась беда: исчезла Мари-Анжелин. В это же время Альдо Морозини обнаруживает, что лишился величайшей исторической драгоценности – рубина Карла Смелого! Очевидно, что именно Мари-Анжелин позаимствовала его у Морозини, чтобы спасти жизнь своего возлюбленного, так похожего на легендарного Карла. Смогут ли Альдо Морозини и его друзья разыскать пропавшую девушку и вернуть рубин Карла Смелого?

Жюльетта Бенцони

Талисман отчаянных

Juliette Benzoni

Le talisman du Temeraire T2. LE DIAMANT DE BOURGOGNE

Copyright © Plon 2014

© Кожевникова М., Кожевникова Е., перевод на русский язык, 2015

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2015

Часть первая

Где искать?

Глава 1

Все сначала

Обнаружив, что в бумажнике нет рубина, потрясенный Альдо, побелев как полотно, снова опустился на стул в столовой, хотя завтрак уже давно закончился. Сиприен с тревогой смотрел на него. Впрочем, у старичка-дворецкого госпожи де Соммьер за плечами был немалый опыт, поэтому он поспешил за бутылкой старого арманьяка и прихватил не обычную рюмку, а стаканчик. Наполнив его чуть ли не до половины, Сиприен протянул «лекарство» жертве ограбления, и несчастная жертва не только выпила его одним глотком, но и попросила еще. Вторую порцию арманьяка Альдо пил с гораздо большим чувством, продолжая внимательно разглядывать потолок.

– Маркизе уже известно? – осведомился он.

– Князь изволит шутить?

– Если честно, мне не до шуток. Происшествие, признаюсь, не из веселых.

– Госпожа маркиза всегда завтракает вместе с мадемуазель Мари-Анжелин, после того, как мадемуазель возвращается из церкви. Обычно около восьми, самое позднее, в половине девятого.

– Значит, нам надо поторопиться! Сиприен, пожалуйста, пойдите и позвоните господину Видаль-Пеликорну! Пусть бросает все и приезжает немедленно! Даже в пижаме! Я не отважусь сообщить маркизе новость без него!

Несмотря на преклонный возраст, Сиприен резво затрусил к телефону. Альдо тем временем допил арманьяк, по-прежнему не отрывая глаз от потолка, словно надеялся, что нимфы, слетевшиеся к хрустальной люстре во времена Второй империи[1 - Вторая империя – период в истории Франции с 1852 по 1870 год. 2 декабря 1852 года в результате плебисцита была установлена конституционная монархия во главе с племянником Наполеона I Луи Наполеоном Бонапартом. (Здесь и далее, за исключением специально оговоренных случаев, примечания редактора.)], помогут ему разрешить возникшие трудности.

Плечо к плечу с Адальбером Альдо справлялся и с более серьезными неприятностями, другое дело, что сам Адальбер порой становился неодолимым препятствием. Сейчас Альдо молил про себя всех богов, чтобы тетушка Амели не позвонила раньше, чем приедет Адальбер.

Адальбер превзошел сам себя: не прошло и десяти минут, как знакомый рев красного малыша «Амилькара» потревожил тишину квартала Монсо. Альдо ринулся навстречу другу и не мог не улыбнуться, увидев его: нет, конечно, не в пижаме, но почти – в клетчатых домашних тапочках, старых вельветовых штанах и домашней куртке с бранденбурами. Густых светлых волос Адальбера, уже кое-где пронизанных серебряными нитями, явно не успела коснуться ни щетка, ни расческа, а лишь пятерня хозяина.

Адальбер выпрыгнул из автомобиля и вбежал в распахнутую перед ним дверь.

– Неужели правда? – с порога спросил он. – Она не могла этого сделать!

– Еще как могла!

– Прихватив твой рубин?!

– Рубин – не самое печальное в этой истории, но представь себе: да, она взяла его с собой.

Адальбер сразу же взглянул туда, куда незадолго до этого смотрел его друг: на лестницу, ведущую на второй этаж.

- Ты считаешь, что нам лучше вдвоем сообщить эту новость тете Амели?

- Представь себе, да. Глупо, правда? Мне даже немного стыдно за свое малодушие.

- Успокойся, на твоём месте я поступил бы точно так же. Ну что, идем?

В ту же самую секунду грянул гром, которого они так опасались, - маркиза де Соммьер позвонила. Шагая в ногу, друзья поспешно преодолели лестницу и подошли к дверям спальни маркизы в тот самый миг, когда Луиза, её горничная, забирала поднос с завтраком из подъемника. Старушка, похоже, очень обрадовалась, увидев перед собой обоих друзей.

- Господа желают войти первыми? Или они позволят мне принести завтрак горячим?

- Не беспокойтесь, Луиза, я сам отнесу завтрак, - успокоил старушку Альдо и забрал у неё тяжелый поднос, на котором рядом с чашкой лежал утренний номер «Фигаро».

Держа поднос одной рукой, он легонько постучал в дверь и вошел, не дожидаясь приглашения. Адальбер последовал за ним.

Госпожа де Соммьер в нежно-голубой ночной кофточке с валансьенскими кружевами и бантиками, соперничающими изяществом с чепцом «шарлотт» и её пышными седыми волосами, с прямой спиной, высоко подняв голову, сидела на кровати. Несмотря на свои восемьдесят лет, она не утратила красоты, а главное, величественности. При виде Альдо с подносом и Адальбера в клетчатых домашних тапочках и старой куртке, зеленые глаза маркизы удивленно раскрылись, а брови приподнялись. Её рука нащупала любимый лорнет с изумрудами. Внимательно оглядев друзей, она похлопала рукой по постели.

- Поставь поднос сюда, Альдо, - распорядилась она с улыбкой, которая тронула только губы, не коснувшись глаз. - И распорядитесь, чтобы вам принесли кофе или, бог знает, что еще, что поможет вам примириться с этими ужасами.

- Ужасами? - в унисон переспросили друзья. - Так вы уже все знаете?

– Знаю – что? Что План-Крепен отправилась к человеку, которого сочла главным героем своей жизни? Знаю. Во-первых, если бы она была на мессе, то давным-давно уже вернулась бы домой. Во-вторых, этой ночью я слышала очень странные звуки: как будто упало что-то тяжелое. Это падение сопровождалось приглушенным проклятием. Но если у меня и оставались сомнения, то появление рычащего «Амилькара», а потом Адальбера в шлепанцах избавили меня от них. Мари-Анжелин уехала, я не ошиблась?

– Вы предполагали, что она может уехать, но не сделали и шагу, чтобы ей помешать? – воскликнул Альдо с нарастающим возмущением.

– А что я, по-твоему, могла сделать? Умолять ее не совершать безумства? Валяться у нее в ногах? Запереть в погребе? Вы сами прекрасно знаете, что преграды только укрепляют ее упорство.

– Но не ум, – меланхолично заметил Адальбер. Он уселся на край кровати и намазывал маслом еще теплую бриошь. – Я думаю, что она получила от кого-то письмо.

– Я в этом уверена. У меня в доме никто и никогда не следил за ее почтой. И я сама никогда бы не стала следить за перепиской моей дочери или племянницы.

– А вам не кажется, что вы чересчур снисходительны?

– Нет, – решительно отрезала старая дама. – Если бы Мари-Анжелин было лет пятнадцать или шестнадцать, другое дело. Присматривать за ней было бы моим долгом. Но в ее-то годы!

У Альдо было иное мнение на сей счет, но он предпочел держать его при себе и не противоречить маркизе. Дрожь в голосе тети Амели, ее повлажневшие глаза говорили, что она взволнована куда больше, чем хотела бы показать. Адальбер был совершенно такого же мнения, но решил подвергнуть чувства тети Амели дальнейшему испытанию.

– А знаете, что самое неприятное? – начал он. – То, что Мари-Анжелин прежде, чем покинуть ваш дом, а покинула она его, без всякого сомнения, этой ночью, обчистила карманы Альдо и забрала с собой рубин.

Маркиза окаменела, не находя слов. Потом подняла глаза на племянника и умоляюще прошептала:

- Этого не может быть! Только не Мари-Анжелин! Это кто-то еще...

Альдо не стал говорить, что всю ночь проспал сном праведника, а у его вечернего кофе был какой-то странный привкус. Госпожа де Соммьер, сраженная ужасной новостью, по-прежнему беспомощно повторяла:

- Нет, это невозможно! Только не План-Крепен! Она не могла!

Альдо присел рядом с ней и обнял внезапно ссутулившиеся плечи.

- Тетя Амели! Вы сами знаете, что, полюбив, человек готов на все, что угодно!.. Или когда ему кажется, что он полюбил. У нас с Адальбером тоже есть на счету такие подвиги. Хвастаться ими не приходится, но факт остается фактом.

- Конечно, я сама это прекрасно знаю, и, если бы речь шла о ком-то другом, не увидела бы в этом ничего невероятного. Но обокрасть тебя?! Своего, можно сказать, брата?!

- Как раз брата и можно, - засмеялся Адальбер. - Чего только в семьях не случается! Скажите лучше, что будем делать дальше?

- Для начала хорошенько изучим все факты, - ответил Альдо и развернул письмо Мари-Анжелин, в котором она признавалась в совершенном преступлении. Он хорошенько его разгладил и положил на кровать возле маркизы. - На мой взгляд, тут есть неувязки. Она пишет, что ее призывает на помощь любимый, то есть, как мы понимаем, Гуго фон Хагенталь. Но мы знаем, что он сделал все возможное и невозможное, чтобы убедить ее вернуться домой и больше не вмешиваться в его дела. И вдруг ни с того ни с сего он умоляет поспешить к нему на помощь и вдобавок забрать с собой рубин, который, не будучи фальшивым, все-таки никогда не имел никакого отношения к «Трем братьям» Карла Смелого[2 - См. Ж. Бенцони «Талисман Карла Смелого». Т. 1.]. Ну? Что вы об этом скажете?

– Что писал ей вовсе не Гуго, а его драгоценный папочка, который, очевидно, прекрасно умеет подделывать почерк сына. Иными словами, нашу План-Крепен заманили в ловушку!

– Но она же, черт побери, не полная идиотка! Если ее попросили взять с собой рубин, она даже не удосужилась поразмыслить над этой странной просьбой?!

– Не удосужилась, если почерк Гуго, который она прекрасно знает, был идеально подделан, – высказала свое мнение маркиза. – Мы повстречали этого молодого человека по дороге, когда ездили с Клотильдой на прогулку. Он остановился побеседовать с аббатом Турпенем, и я имела возможность хорошо рассмотреть его. Мне, конечно, трудно себе представить, что юный Карл Смелый позовет себе на помощь слабую женщину, надеясь на нее опереться, и отвергнет при этом помощь полиции. Его сходство с Карлом Смелым поразительно. Молодой человек обладает шармом, но это шарм человека сурового, воина не нашего века. Его легче представить себе в железном шлеме, чем в фетровой шляпе. Судите сами, каким ореолом окружен его образ в глазах Мари-Анжелин. Ореол легенды и ореол трагической судьбы. Я не удивляюсь, что она позабыла все доводы рассудка и устремилась к нему, чтобы вновь оказаться рядом. И если понадобится, вместе с ним умереть!

Все сидели молча. Тишину нарушил вопрос Альдо:

– Тетя Амели, а если бы вы знали о намерениях Мари-Анжелин, вы бы позволили ей уехать?

– Да, – твердо ответила старая женщина, глядя в самую глубину глаз племянника. – Потому что Мари-Анжелин тоже как будто не принадлежит к нашему вялому веку.

– Вялого? Неужели? – возмутился Альдо. – А миллион погибших добровольцев на войне, которую мы с вами пережили? Правда, мы видели больше грязи, чем белых плюмажей, но напомним, что и Карл Смелый умер на грязном снегу замерзшего озера.

– Вам не о чем спорить, вы оба правы, – вмешался Адальбер. – И вы прекрасно знаете, что План-Крепен всегда мечтала о рыцарях и Крестовых походах. Но я спускаю вас на грешную землю и спрашиваю еще раз: что мы будем делать?

– Я считаю, что вопреки ее просьбе мы должны позвонить комиссару Ланглуа, – сказала маркиза. – Полагаю, что сама она напрямик отправилась в Понтарлье. А поскольку инспекторы Дюваль и Лекок находятся там неотлучно, думаю, им удастся перехватить ее, как только она приедет. Если она села на поезд, то ехать ей еще порядочно. А я не вижу, каким другим транспортом она могла туда отправиться.

– А почему не на автомобиле, как в первый раз?

– Нет, она побоится. Она же влюблена, а не окончательно сошла с ума. А вот куда она поехала: в Понтарлье или в другое какое место, нам доподлинно неизвестно. Ее герой часто живет в «Сеньории», в Грансоне, так что она вполне могла сесть на поезд и поехать в Ивердон, он рядом с Грансоном.

Альдо внезапно вскочил и чуть ли не бегом побежал к телефону – аппараты теперь были расставлены в доме повсюду, кроме спальни маркизы. Адальбер последовал за ним.

– Кому ты собираешься звонить? Ланглуа?

– Нет, жене. Хочу узнать, где сейчас находится тесть, пристрастившийся к перемещениям по воздуху.

– В самом деле, его конек подошел бы нам сейчас как нельзя лучше. Другое дело, что в этот час не так-то просто дозвониться до «Рудольфскрона».

Но на этот раз фея телефонной линии была к ним благосклонна, что бывало отнюдь не всегда, и буквально через десять минут Альдо услышал голос Лизы.

– Альдо! Какой чудесный сюрприз! Ты в Австрии, дорогой?

– Нет, я у тети Амели. У вас там все в порядке?

– Лучше не бывает. Стоит прекрасная погода и...

– О погоде поговорим потом, мое сердечко. Я ищу твоего отца и...

– Его здесь нет. Он улетел.

– Сто чертей, одна ведьма и все громы небесные на этого летуна! Как только он нужен...

– Успокойся, – приглушенным голосом проговорила Лиза на другом конце провода. – С чего это ты разбушевался? Он тебе так нужен?

– Не так он сам, как его любимая игрушка. Куда он полетел?

– В Брюссель. Дочери Луизы становится все хуже. Единственный человек, которому она сообщила, где ее найти, позвонил ей и сказал, что вряд ли она застанет свою дочь в живых. Ты сам понимаешь, что папа не колебался ни секунды. Они вылетели немедленно.

Над Альпами, наверное, бушевали ветра, несмотря на «прекрасную погоду». Голос Лизы звучал все тише, потом расслышать, что она говорит, стало совсем невозможно, и связь окончательно прервалась. Альдо со вздохом положил трубку.

– Конец связи, – проговорил Адальбер, который без малейшего стеснения взял вторую трубку и прослушал весь разговор. – Но, по крайней мере, мы узнали две важные вещи: во-первых, твой тесть в Брюсселе, а во-вторых, несчастная Агата умрет с минуты на минуту и будет четвертой жертвой этого убийцы.

– Из тех, о которых мы знаем. И, заметь, он опять за сотню километров от своей умирающей жертвы.

– Тебе это ничего не напоминает?

– Конечно напоминает! Ты имеешь в виду Синюю бороду из Ньюпорта? Но он...

– Когда вы закончите вспоминать свои подвиги, то, надеюсь, займетесь моей бедняжкой План-Крепен, – вмешалась в разговор госпожа де Соммьер, появившись на пороге гостиной. – Мне мало дела до остальных, но я дорожу Мари-Анжелин. Звоните же скорее Ланглуа, черт побери! Может, он придумает

что-то толковое!

Однако судьба распорядилась, чтобы в это утро они обходились своими собственными силами: главный полицейский Парижа в эту минуту оказался «недосягаемым». Альдо окончательно рассвирепел.

– Нет, вы только подумайте! Прошло пять месяцев, и мы снова на том же самом месте с той только разницей, что кроме План-Крепен исчез еще и мой рубин! Впрочем, дело не в рубине. Но мы вынуждены снова начинать все с нуля!

– И каким образом ты собираешься все начинать? – тревожно спросила тетя Амели.

– А вот увидите!

Альдо снова взялся за телефонную трубку, вызвал Бурже и осведомился, когда вылетает ближайший самолет в Берн. Оказалось, что через два часа. Он заказал билет в компании «Свисс Эйр».

– Два! Два! – завопил Адальбер. – И еще нужен автомобиль, который будет нас ждать в аэропорту.

Но Альдо уже положил трубку.

– Обо мне ты забыл? – раскипятился египтолог. – Или вообще решил отстранить от расследования?

– Ни то ни другое, – уже с полным спокойствием возразил Альдо. – Ты побудешь здесь, пока не свяжешься с Ланглуа. Во-первых, потому что мы без него не обойдемся, во-вторых, потому что он как никто обеспечит безопасность тети Амели. А потом сразу присоединишься ко мне.

– Где? В Понтарлье?

– Нет, конечно, в Ивердоне. Этот знаменитый курорт с теплыми источниками находится в двух шагах от Грансона.

– А что там лечат?

– Ревматизм.

– Значит, ехать туда нужно мне, – заметила маркиза. – Мой ревматизм год от года все свирепеет.

– Чуть позже мы подумаем о нашей совместной поездке, – пообещал Альдо. – А пока я отправляюсь туда один, и пусть каждый из нас делает что может. Узнай, какая там самая лучшая гостиница, – обратился он к Адальберу. – И, если повезет, мы увидимся там сегодня вечером. Жди от меня вестей, я тебе позвоню.

– Постарайся не попасть в пасть злобному волку, который захочет тобой закусить.

– Я несъедобный. Честно говоря, оставляя тебя здесь для переговоров с Ланглуа, я делаю тебе тот еще подарок. Этого волка ты знаешь не хуже меня.

– Знаю, – согласился Адальбер.

– А что, если он потребует, чтобы ты немедленно вернулся? – спросила тетя Амели.

– Я вернусь, – совершенно серьезно ответил Альдо. – Даю честное слово! Я совсем не хочу, чтобы неуместное вмешательство превратило приключение в драму. Ведь никогда неизвестно, чего можно ждать от План-Крепен.

– Относительно вас я ничего не могу сказать, зато знаю точно, что действия План-Крепен комиссар всегда одобрял!

– Если вы думаете, что открыли нам что-то новое, то ошибаетесь, – отозвался Альдо и наклонился, чтобы поцеловать тетю Амели на прощание.

Он поднялся к себе, собрал чемодан и полчаса спустя уже мчался на такси к парижскому аэропорту[3 - В те времена аэропорт Орли еще не существовал, а уж Руасси – Шарль де Голль тем более. (Прим. автора.)].

А еще через два часа он летел над полями и лесами Франции и вдруг вспомнил, что собирался сегодня отправиться в Друо на важный аукцион старинных драгоценностей. Внезапное воспоминание не улучшило настроения Альдо: он впервые в жизни забыл об аукционе. Не понравилось ему и ощущение возврата в прошлое, когда он сел за руль ожидавшего его автомобиля. Полгода назад все происходило точно так же с одной только разницей: тогда он приехал в Лозанну и оттуда отправлялся в Грансон к умирающему рыцарю, которого уже ничего не привязывало к нашему веку.

Хотя нет: и время года тоже было другим. Тогда было холодно, падал снег, а теперь веяло теплом, природа просыпалась и радовала глаз зеленой дымкой. Другой была и дорога. Эта погрузила Альдо скорее, чем хотелось бы, в драматические перипетии истории, с которыми судьба связала и его собственную жизнь: он проезжал через Муртен!

Муртен! Чудесный городок, хранивший и по сию пору память о своей былой славе! Муртен, уютно устроившийся на берегу озера, не такого большого, как Невшательское, но с такой же синей водой, в которой отражается и Грансон! Муртен – второе поражение Карла Смелого, еще более жестокое, чем первое, потому что его, совсем уже небольшое, войско сражалось отчаянно и одержало бы победу, если бы не роковая тактическая ошибка: оно оказалось зажатым между городом и озером, в воды которого его и сбросили. В Муртене в руки швейцарцев попали остатки баснословных сокровищ окончательно обедневшего принца, за которым уже ходила по пятам смерть, но который не пожелал, чтобы сражение под Муртеном стало его последним сражением. После Грансона Карл нашел для себя убежище в Нозеруа во Франш-Конте, под кровом своего погибшего друга Жана де Шалона. На этот раз он укрылся в Салене и вновь стал собирать войско, но оно было еще более малочисленным, потому что богатые фламандцы отказали ему в помощи, а в Бургундии приходилось снимать с церкви колокола, чтобы лить из них пушки. Свое пошатнувшееся здоровье Карл восстанавливал в горячих источниках, известных своей целебной силой еще со времен римлян. Но душой его владела черная меланхолия, наследие матери-португалки[4 - Изабеллы Португальской. (Прим. авт.)], уступая порой место лихорадочной деятельности и преувеличенной веселости, производившей впечатление более горькое, чем даже слезы. И еще Карлом владела яростная жажда победить, которая со временем стала для него тяжким бременем...

Альдо миновал Ивердон и уже приближался к «Сеньории», небольшому замку, принадлежавшему теперь Гуго де Хагенталю. Он ехал вдоль ограды парка «Сеньории», полого спускавшегося к озеру.

Альдо остановился у ограды, приглушил мотор и окинул взглядом благородное владение барона де Хагенталя, которое он оставил в наследство своему крестнику, сочтя его более достойным владельцем, чем его отец, барон Карл-Август. Теперь хозяином здесь стал Гуго, живой портрет несчастливого герцога Бургундского, в которого до безумия влюбилась Мари-Анжелин и на помощь которому полетела, забрав с собой рубин Альдо. Этот рубин вручил ему в этом самом замке старый рыцарь де Хагенталь, надеясь таким образом возместить давным-давно пролитую кровь...

И вот сейчас, припомнив все – а в последние сутки Альдо только и делал, что вспоминал и размышлял, – он подумал, что, возможно, идея отправиться прямо в Грансон была не так уж и хороша, хотя она показалась ему единственной, которая может помочь развязать узел драматической истории. Припомнил он и предостережение, высказанное в письме План-Крепен. Но он не был полицейским и приехал в дом человека, чью память чтит и уважал. Минувя Ивердон, он, как и в прошлый раз, когда они приезжали сюда с Адальбером, купил букет роз, чтобы положить на могилу барона.

Альдо взглянул на часы. Пока все складывалось необыкновенно удачно. В ту самую минуту, когда он собирался войти в жилище Гуго фон Хагенталя, План-Крепен, по предположению Альдо, сев на Лионском вокзале в поезд на Понтарлье, отправлявшийся в 8.30, была еще в пути. Часы показывали половину третьего, и даже если поезд следовал без опозданий, которые случались довольно часто, Мари-Анжелин оставалось проехать еще добрую сотню километров. А потом ее ждала пересадка в Дижоне: поезд до Понтарлье следовал из Швейцарии через Безансона. Так что у Лекока и Дюрталья была реальная возможность перехватить Мари-Анжелин у выхода с вокзала. А Морозини тем временем узнает, что делается в Грансоне, и даже, возможно, успеет съездить в приграничную деревушку, где у Гуго есть небольшое хозяйство, которое так и называется – «Ферма».

Но если письмо написал не Гуго... То можно опасаться самого худшего!..

Сигарета, которую курил Альдо, чтобы лучше думалось, еще дымилась, и он раздавил окурок в пепельнице. Снова завел мотор, выехал на дорогу и

остановился на этот раз прямо перед воротами «Сеньории». Вышел из автомобиля, позвонил и стал ждать. Ждать пришлось недолго. Старичок Георг, как видно, был неподалеку, потому что появился почти тотчас же. Суровое лицо старого слуги, как только он узнал гостя, сразу осветилось улыбкой.

– Ваша светлость! Князь! Вот неожиданная радость! Вижу, вы храните верность нашему бедному барону, – добавил он, увидев на заднем сиденье букет роз.

– Его трудно забыть, вы сами знаете, – отозвался Альдо. – Я в Швейцарии по делам и не мог не заехать к вам.

– Извольте въехать на территорию и идите прямо к террасе, а я сейчас запру за вами ворота и немедленно приду.

Альдо удивился неожиданным предосторожностям. В прошлый раз ворота стояли открытыми все время, пока они тут гостили. Он снова сел в автомобиль и въехал в ворота. Еще он заметил, что у старика что-то с ногой: он ходит, опираясь на палку.

– Что с ногой? – спросил он Георга, когда тот доковылял до него. – Несчастный случай?

– Пустяки! Обычный вывих. И уже почти не болит.

– Почти – это не слишком хорошо. Не рано ли вы нагружаете свою ногу?

– Жена мне говорит то же самое, но ведь я хожу с палкой, и мне совсем не больно. И потом, вы только представьте: как тоскливо сидеть прикованным к креслу, когда вокруг тебя кипит жизнь. Но вы, может быть, заглянете в дом прежде, чем идти на могилу? Могу я предложить вам чашечку кофе?

– Выпью с удовольствием, – улыбнулся Альдо. – И должен вам признаться, что у меня есть и другая причина для визита: я хотел бы повидать господина Гуго де Хагенталя, нового владельца этого старинного дома.

– Он в отъезде, но вы все равно проходите, Ваша светлость, садитесь вот здесь, а я вам сейчас принесу кофе, – пообещал Георг, вводя гостя в столь памятный

для него зал.

Альдо вновь с удовольствием любовался огромным камином с карнизом, декорированным сценой, изображающей битву оленей, и целой коллекцией старинного оружия над ним. Конечно, огонь сейчас в нем не горел. Полюбовался гость и каменными скамьями в глубоких нишах средневековых окон, гобеленами, украшенными орнаментом с растениями и травами, согревающими холодные белые стены. А вот старинной кровати с колонками и пологом, последнего прибежища старого барона, здесь уже не было. Зал вновь приобрел торжественный вид и вполне подходил для приемов, но назвать его гостиной было трудно, он больше соответствовал рыцарям, а не дамам, собравшимся поболтать за чашкой чая с пирожными. Удовольствие от встречи со стариной окрасилось для Альдо и печалью. Этот зал все еще не покинул высокий костлявый старик, который отгонял от себя смерть, дожидаясь, когда сможет наконец выполнить долг чести – он должен был отомстить за кровь, пролитую его предком.

Георг вернулся вместе со своей женой Мартой, поднос с чашкой кофе и печеньем несла она. Сделав маленький реверанс, она поставила кофе и печенье на стол.

– Нога еще подводит моего Георга, и я побоялась, что он устроит князю ножную ванну, – улыбнулась она.

– Спасибо, Марта, очень тронут вашей заботой, но я не хотел вас беспокоить.

– Какое тут беспокойство! Розы, которые вы привезли, очень дороги для нас. Они такие красивые. Господин барон так любил красивые розы!

– Мы отнесем их на могилу вместе, – предложил Альдо. – Но я приехал не только почтить память господина барона. Я хотел бы еще повидать господина Гуго де Хагенталю, я уже сказал об этом вашему мужу. Мне во что бы то ни стало нужно с ним поговорить.

Муж и жена, явно смущенные, переглянулись.

– Но его сейчас здесь нет, – повторила Марта слова Георга.

– Мы даже не знаем, когда он здесь появится, – эхом подхватил Георг.

– Если он на «Ферме», по другую сторону границы, то ничего страшного, я как раз туда собираюсь.

Лицо Марты стало страдальческим.

– К сожалению, ничего не можем вам сказать! Сейчас попробую вам все объяснить. До того, как господину Гуго достался этот дом, он жил в Берне и изредка ездил в Юра на «Ферму», которая досталась ему от матери. И когда он туда направлялся, то непременно заезжал к нам, проводил денек-другой с господином бароном. Хоть господин барон в последнее время не хотел, чтобы мы его так называли, но мы-то привыкли, нам переучиваться трудно.

– А мать молодого барона родом из Франш-Конте?

– Она из Бургундии. У нее был маленький замок по ту сторону границы, и он должен был перейти от нее к сыну, но она умерла, когда господин Гуго был еще совсем маленьким. Отец поспешил продать его под тем предлогом, что у них нет денег на его содержание...

– Марта! – с упреком обратился к ней муж. – Ты что-то разговорилась, дорогая. Его светлости все это совсем неинтересно!

– Напротив! – торопливо возразил Альдо. – Господин Гуго мне очень симпатичен. И я приехал сюда в первую очередь для того, чтобы увидеться с ним.

– Если уж наш добрый хозяин хотел повидать Его светлость перед смертью, а Его светлость чтит его память, то значит, он нам друг, – подхватила Марта. – Друг Гуго, а не его отца!

– В этом нет никаких сомнений, – подтвердил Альдо. – Скажу вам больше, я разыскиваю вашего хозяина потому, что, как мне кажется, ему грозит опасность.

– Опасность? И что же ему грозит?

В голосе Георга зазвучала неподдельная тревога, которую он и не старался скрыть. Альдо вздохнул:

– Я могу вам показаться сумасшедшим, но боюсь, что опасность исходит от его отца. Этот человек готов на все, лишь бы вернуть себе рубин, который ваш покойный хозяин подарил мне и который я теперь ищу, потому что у меня его только что украли. Сделала это, к несчастью, родственница, которую я люблю и которой очень доверяю.

– Она вас обокрала, а вы ей доверяете? – не поверила Марта.

– Доверяю. Она сделала это из любви.

– Из любви к господину барону?

– Нет, к его сыну. Она оставила письмо и написала, что он в опасности и зовет ее...

– Быть такого не может! – твердо возразил Георг. – Я поверю, что ему грозит опасность, она ему грозит постоянно, но чтобы он позвал молодую девушку на помощь...

– Она уже не так уж молода...

– Не важно! Господин Гуго никогда бы не попросил помощи у женщины, какого бы она ни была возраста. Как наш дорогой барон – да я знаю, он не хотел быть бароном! – господин Гуго человек не нашего времени. Он, знаете ли, в некотором роде рыцарь.

– С лицом легендарного героя – герцога Карла Бургундского, которого госпожа История нарекла Смелым.

– Вам и это известно? – удивился Георг. – Он гордится своим сходством, хотя иной раз и сожалеет о нем. Герцог был человеком опасным, мог обречь на смерть не одну сотню человек, именно так он поступил с гарнизоном замка. В иные годовщины господин Гуго запирается и молится, а порой седлает лошадь и часами носится по полям, и только боязнь загнать лошадь до изнеможения

возвращает его домой. Лошади – единственная его страсть. Во всяком случае, так мне кажется. Он так их любит, словно они ему родные дети.

– Сколько же у него лошадей?

– Две. Пират и Красавица... Красавица сейчас ждет благополучного разрешения. Ими занимается наш сын Матиас на «Ферме», там такие просторы, лошадям это по нраву. Хотя конюшня и у нас в «Сеньории» оборудована не хуже, чем у них в горах.

Георг раскрепостился и рассказывал обо всем сам, не дожидаясь вопросов. Они с женой любили Гуго и могли часами говорить о своем молодом хозяине, которого почитали не меньше старого.

– Сразу видно, что вы очень привязаны к господину Гуго. И тем удивительнее, что вы не знаете, где он сейчас находится, – не без вздоха сожаления заметил Альдо.

– Ничего удивительного тут нет, – возразила Марта. – Если он не в «Сеньории», то на «Ферме», но иногда случается, что уезжает, ни слова не сказав куда направляется. Говорит просто, вот как на этот раз, что, мол, уезжает – и все! И даже не прибавит, надолго ли. На «Ферме» знают не больше нашего, можете быть уверены. В таких случаях мы его просто ждем и следим, чтобы дом был всегда готов к его приезду.

– И когда он уехал?

– Вот уже три дня, как его нет.

– И на чем же он уезжает? На лошади? Я знаю, что на ферме у него есть грузовичок.

– У него есть и автомобиль. Он уезжает всегда среди ночи и возвращается тоже ночью.

Альдо не знал, что и думать. История становилась с каждым часом все запутаннее, и он с большим удовольствием бы ее распутывал, если бы жизнь

План-Крепен не была в опасности. Он уже ничуть не сомневался, что ее заманили в ловушку. Мари-Анжелин верила, что спешит на помощь любимому и спасет его, привезя рубин. Но ее обманули. Карл-Август, скорее всего, подделал почерк сына, который План-Крепен хорошо знала. И она, обычно такая осторожная, такая предусмотрительная, забыла обо всем. Вот что делает с людьми любовь! Но где же ее теперь искать?

Альдо, находясь в растерянности и смятении, не заметил, что размышляет вслух. И совсем не удивился, получив ответ от Георга.

– А почему бы вам не повидать Матиаса? Если я ему напишу несколько слов, он ответит на все ваши вопросы. Тем более что господин Гуго на этот раз уехал с «Фермы».

– Буду вам очень благодарен и непременно его повидать. А пока мы вместе с Мартой, раз она предложила меня сопровождать, отнесем розы на могилу барона.

Альдо взглянул на часы. Час дня! Остался всего лишь час до прибытия в Понтарлье парижского поезда, на котором, по его разумению, должна была прибыть Мари-Анжелин. Еще теплилась надежда, что Ланглуа отправит на вокзал кого-то из своих помощников, которые пока еще оставались в Понтарлье.

Положив на могильную плиту розы и постояв возле нее несколько минут в молчании, Альдо спросил у Марты, не может ли она порекомендовать ему тихую гостиницу, расположенную как можно ближе к границе, но на швейцарской стороне.

– Думаю, лучше гостиницы «Франс» в Сент-Круа вы не найдете, – ответила ему Марта. – Виды из окон просто чудесные, комнаты простые, но очень удобные, стряпня славится по всей округе, и граница всего в двух шагах. Поднимешься на холм Дезетруа, и вот она. А по другую сторону Фург и дорога прямо на Понтарлье. Думаю, за полчаса туда можно добраться. И вот что еще вам скажу – Сент-Круа и соседнюю деревню Расс называют «балконы Юра», уж больно хороша панорама, куда ни посмотри! Есть еще одна гостиница, она, конечно, пошкарнее, но в маленькой вам будет уютнее.

– Вот и чудесно! Я отправлюсь в путь немедленно, и если у меня будут для вас интересные новости, вернусь и сообщу.

Через несколько минут Альдо уже получил комнату в гостинице, где оставил чемодан, а потом поспешил в Понтарлье, моля Бога, чтобы на таможене не было много народу. К счастью, он был там один, а таможенник, страдая сильнейшей зубной болью, мечтал лишь об одном: чтобы его оставили в покое!

– Срочно обратитесь к дантисту, – сочувственно посоветовал ему Морозини. – А пока пожуйте сухую гвоздику, она успокаивает боль.

Тут он спохватился, что забыл письмо Георга для Матиаса, обругал себя последним дураком и решил, что непременно вернется в «Сеньорию» завтра утром.

Двадцать минут спустя Альдо Морозини в темных очках, надвинув каскетку до бровей и подняв воротник пальто, вошел в здание вокзала как раз в ту самую минуту, когда парижский поезд, выпустив пар, остановился у платформы. Народу было не так уж и мало. Альдо замешался в толпу и вскоре заметил стоящего в сторонке инспектора Дюрталя. Как всегда монументальный, он стоял, покуривая трубочку и засунув руки в карманы – обычный горожанин, который пришел встречать родню.

Увидев Дюрталя, Альдо улыбнулся. Значит, Адальбер дозвонился до Ланглуа! Ему сразу стало легче. Оставалось узнать, какие инструкции получил инспектор и как он поведет себя при появлении План-Крепен. Разумнее всего было бы осторожно следовать за ней на расстоянии. Во всяком случае, именно так собирался поступить сам Морозини. Время, однако, шло, пассажиры выходили из поезда, кого-то из них встречали, кого-то – нет, но План-Крепен так и не появлялась.

Толпа мало-помалу рассеялась. Кое-кто из пассажиров перешел на другую платформу, где таможенники Верьера досматривали поезд, который повезет пассажиров дальше, в Невшатель и Берн. Остальные со встречающими или в одиночку направились к выходу. Дюрталь, который в отдалении прошелся вдоль всего поезда, вернулся к первому вагону. Он сжимал в зубах погасшую трубку, и вид у него был недовольный: инспектор не любил, чтобы ему морочили голову.

Он шел прямо на Морозини, но тот, секунду поколебавшись, отступил и спрятался за металлическую колонну, пропустив мимо себя инспектора и решив не следовать за ним. Морозини остался на платформе, понадеявшись, что Мари-Анжелин задержалась в вагоне, сделав вид, что спит, дожидаясь, когда на перроне никого не останется, чтобы спокойно отправиться на назначенное свидание и быть уверенной, что за ней никто не следит. Или? Но об этом даже думать не хотелось! Или Мари-Анжелин не ехала в этом поезде! И где, спрашивается, ее тогда искать?

Если подумать, то никто не был уверен, что свидание назначено именно в Понтарлье. Другое место было бы даже предпочтительнее, потому что и она сама, и человек, находящийся в опасности, не могли не понимать, что искать их будут именно здесь. Значит, свидание могло состояться в Безансоне или в Берне... Или в любом другом городке или деревеньке, швейцарской или французской... Да в любом уголке земли! Почему бы нет?!

Однако внутренний голос подсказывал Альдо, что, направившись прямо к Гуго, он поступил правильно. Теперь ему снова казалось очень странным, что хозяин «Сеньории» исчез, а преданные ему слуги ничуть о нем не беспокоятся... И при этом они показались ему совершенно искренними...

Альдо вернулся к автомобилю, сел за руль, но с места не тронулся. На исходе этого долгого хлопотного дня на него навалилась усталость. Куда же теперь? Отправиться на «Ферму» и попытаться все же узнать, где Гуго? Если за эти часы он не появился, Матиас ответит ему точно так же, как его отец: Гуго нет на «Ферме», от него никаких известий, он понятия не имеет, где находится хозяин... Жалкий результат!

Усевшись поудобнее, Альдо закурил сигарету, сделал несколько затяжек и почувствовал себя чуточку бодрее. Тут он сообразил, что проголодался. Ему даже почудилось, что он слышит назидательный голос Адальбера:

– Если теряешь почву под ногами, съешь что-нибудь, выпей чашечку кофе, а еще лучше стакан хорошего вина!

Альдо решил последовать совету друга. Время шло к вечеру, и разумнее всего было вернуться в гостиницу и там заказать телефонные разговоры. Во-первых, с Георгом, чтобы узнать, нет ли новостей от Матиаса, во-вторых, с Адальбером,

который должен был по-прежнему находиться на улице Альфреда де Виньи. А чтобы скрасить ожидание, которое наверняка будет долгим, можно и пообедать. Единственное, в чем Альдо был уверен, так это в том, что усталость не свалит его с ног. В отличие от Адальбера, который мог засыпать хоть стоя и даже сидя, Альдо нередко страдал бессонницей. Впереди предстоял долгий вечер. Чем его занять, боже правый?..

Альдо вернулся в гостиницу и сразу же заказал телефонный разговор с особняком на улице Альфреда де Виньи, уверенный, что Адальбер не ждет от него известий именно там. Ему сказали, что ждать придется часа два, и за это время он вкусно пообедал. Марта справедливо расхвалила кухню этой деревенской гостиницы. Альдо от души наслаждался филе окуня с миндалем, говяжьей вырезкой со сморчками, великолепным сливочным сыром мондор со свежим хрустящим салатом, а закончил он сытный обед кусочком пирога с черникой и чашкой душистого кофе. Альдо попросил и вторую чашечку, а еще и бутылку бургундского хорошей марки и как раз согрел в руках стакан, когда его попросили подойти к телефону.

– Как идут дела? – осведомился Адальбер.

– Почти так же, как вчера, – сообщил Альдо. – К приходу поезда на вокзал пришел инспектор Дюрталь – я постарался, чтобы он меня не заметил, – но План-Крепен мы не встретили.

– Согласись, если бы встретили, все было бы слишком просто. Тем более что она просила ни в коем случае не следовать за ней. А скажи-ка мне, почему это ты такой веселый после такого неудачного дня?

– А потому, мой дорогой, что я только что превосходно отобедал, и еда мне очень помогла. А до обеда я был несчастный и голодный.

– Отлично! Как видишь, природа всегда берет свое!

– Думаю, и тебе жаловаться не на что! С твоим Теобальдом и Евлалией тетушки Амели ты, я думаю, обедаешь не хуже меня. Кстати, как она себя чувствует?

– Евлалия?

– Тетя Амели, дурачок! Она не слишком переживает?

– Честно говоря, не знаю, – признался Адальбер. – Ты же знаешь, она всегда старается держать себя в руках и внешне хранит полное спокойствие. Думаю, что места себе не находит от беспокойства, но черта с два ты это заподозришь. Маркиза вполне в своем духе.

– Не сомневаюсь. Но если ты вздумаешь упрекнуть меня, что я здесь зря время теряю, то будешь не прав. Я побывал в «Сеньории», поговорил с Мартой и Георгом. Они, к сожалению, понятия не имеют, где находится Гуго де Хагенталь, но нимало об этом не беспокоятся, поскольку привыкли к этому так же, как их сын Матиас, который работает теперь на «Ферме». Гуго нет ни по ту, ни по эту сторону границы, и мне это не нравится.

– Мне тоже. Может, его и правда похитили, и тревога План-Крепен совершенно справедлива? Вполне возможно, они оба попали в одну и ту же ловушку... Хотя мне трудно себе представить, чтобы человек вроде Гуго пытался себя спасти с помощью женщины. Мы прекрасно знаем, как уязвима План-Крепен, несмотря на свою самоуверенность. К тому же она в него влюблена, и он об этом знает. Мне не кажется, что он из тех людей, которые стали бы злоупотреблять своей властью над чувствами других.

– Что ты предлагаешь?

– Пока ничего, будем соображать на месте, завтра я собираюсь к тебе приехать. Я не стал заказывать, как ты мне советовал, номер в лучшей гостинице Ивердона. Откровенно говоря, я побаиваюсь роскошных курортных гостиниц.

– Ты прав. Я остановился в Сен-Круа, этот небольшой городок расположен практически на границе. Он находится примерно на середине дороги от Грансона до Понтарлье. Гостиница называется «Франс», и в ней лучше, чем в любом роскошном отеле. Знаешь, дело в атмосфере...

– И еще в кухне, как я понял.

– Ты все понимаешь правильно. На чем приедешь?

– Не было времени обдумывать этот вопрос основательно, но что-нибудь придумаю. В любом случае завтра вечером ужинаем вместе. И не волнуйся за маркизу. Ланглуа сделает для нее все, что сможет.

– Поцелуй ее за меня. Я все-таки о ней волнуюсь.

– Не стоит. Она прекрасно держится.

– Не сомневаюсь. Но любая выдержка имеет предел. Она привыкла, что План-Крепен всегда с ней рядом, что она о ней заботится, и остаться в полном одиночестве очень нелегко.

– Ты забываешь о Сиприене, Луизе, ее горничной, нашем добром гении Евлалии, не говоря уж о верных помощниках Ланглуа... Да и сам Ланглуа всегда готов помочь. Или ты предпочитаешь, чтобы я остался в Париже?

– Ты прекрасно знаешь, что нет. Хотя с моей стороны это чистый эгоизм... Или, может быть, возраст?

В голосе Альдо прозвучала трагическая нотка, и в ответ послышался веселый успокаивающий смех Адальбера.

– Я всегда к твоим услугам, старина! А на прощание последний совет: чтобы спать крепче, не откажи себе в хорошем вине, выпей пару бокалов. Проснешься, а я уже буду рядом.

– Нет, пить я не буду. Завтра утром мне нужна свежая голова. Поцелуй от меня тетю Амели и счастливого тебе пути!

Хорошенько подумав, Адальбер решил ехать на своем автомобиле. Может быть, путешествие будет более долгим и утомительным, зато будешь чувствовать себя как дома: спокойно и уверенно.

Адальбер выехал на заре ясного солнечного дня, сожалея лишь о том, что оставляет в гараже любимого малыша «Амилькара». Красный «Амилькара» слишком уж громко рычал, а это не годилось для поисков, которые они

собирались предпринять и которые не должны были привлекать к себе внимания.

Адальбер проделал долгий путь быстро и без приключений, благополучно прошел таможду и затормозил автомобиль перед гостиницей «Франс». Вдохнув живительный чистый воздух, полюбовавшись изумительными снежными вершинами, Адальбер почувствовал себя как в отпуске. Однако счастливое ощущение развеялось как сон в ближайшие пять минут, когда к нему подошел симпатичный невысокий крепыш и осведомился, не он ли господин Видаль-Пеликорн. Крепыш запнулся, произнося сложную фамилию, и даже сверился с визитной карточкой. Адальбер уверил его, что он действительно Видаль-Пеликорн, и тот несколько смущенно сообщил, что «его светлость князь был арестован сегодня утром полицией Ивердона».

Адальбер не поверил своим ушам.

– Морозини? Арестован? Что за чушь? За что, спрашивается, его арестовали?

– За убийство. Вчера в семь часов вечера он убил двух слуг господина де Хагенталя в имении «Сеньория» в Грансоне.

Адальбер обычно не торопился с выводами, но сейчас он не сомневался, что имеет дело с сумасшедшим.

– За что, за что? Повторите, пожалуйста!

– Он зарезал ножом Георга и Марту Ольже, слуг господина...

– Да, это вы уже говорили, но это полная бессмыслица! Убийство, к тому же холодным оружием, славных знакомых, к которым он так тепло относился? Я однажды ездил к Георгу и Марте вместе с ним. Откуда появилось такое нелепое предположение?

– Соседи видели, как ваш друг приехал в «Сеньорию». Старики ожидали сына Матиаса, который тоже служил у господина Гуго, только по другую сторону границы, но сын не приехал, а приехал вот он – убийца.

– И как же соседи сразу распознали, что приехал убийца? По каким таким признакам? Он что, размахивал ножом? Грозил их убить тоже?

– Не знаю. Меня там не было. Соседи видели, как он приехал, а потом умчался на автомобиле, взятом напрокат в Швейцарии.

– Так. Значит, они распознали убийцу, но так и не скрутили его, охваченные священным негодованием?

– Они еще ничего не знали, поскольку убийца...

– Полегче, милейший, – возмущенно оборвал собеседника Адальбер. – До тех пор, пока вина не доказана, мой друг остается Его светлостью князем Морозини. Прошу так его и называть.

– Да, конечно, прошу прощения. Как я мог допустить такую оплошность?

– Сначала скажите, кто вы такой?

– Хозяин этой гостиницы. И я, и мои домашние глазам своим не могли поверить, когда полицейские пришли за Его светлостью сегодня утром. Мы-то с первого взгляда поняли, что наш постоялец не шаромыжник какой-то, а человек светский, воспитанный, а главное, при деньгах. Вчера мы потолковали с ним немного, пока он кофе пил. И он очень хвалил нашу кухню, она ему пришлась по вкусу.

– Очень рад. Скажите, где он сейчас?

– Думаю, в полицейском участке в Ивердоне, если его уже не отправили в Лозанну, где ему придется сидеть в тюрьме до суда.

– Не спешите, пожалуйста! До Лозанны еще далеко! Скажите лучше, где у вас телефон, потом приготовьте комнату и ужин, столик накройте в тихом углу. Я намерен у вас остановиться.

– Рад, очень рад! Сейчас пришлю мальчика за багажом. О телефоне не беспокойтесь, я сейчас же закажу нужный вам номер. Но хочу предупредить:

ждать, возможно, придется долго.

– Вы необыкновенно добры, – насмешливо произнес Адальбер, а потом достал блокнот и ручку, чтобы записать номер Ланглуа. Протягивая листок хозяину, он не мог отказать себе в удовольствии едко добавить: – Я звоню главному комиссару французской уголовной полиции, так что, думаю, ждать придется не так уж долго.

И действительно, уже через двадцать минут, едва Адальбер успел выпить рюмку коньяку, его соединили с набережной Орфевр. Но узнал он только то, что Ланглуа сейчас нет в кабинете, но он непременно ему перезвонит, как только вернется. Теперь Видаль-Пеликорн никуда не мог отлучиться, хотя горел желанием помчаться в Ивердон и хоть как-то успокоить своего друга.

Однако час был поздний, за спиной Адальбера осталась не одна сотня километров, да и Альдо был не из тех, кого может сломить ночь, проведенная в тюрьме. Не в первый раз, так сказать. Ох, далеко не в первый! Адальбер и сам не понаслышке знал, что такое тюрьма, и порой сидел прямо-таки в средневековых условиях.

Подойдя к хозяину, чей взгляд по-прежнему выражал сомнение и неуверенность, Адальбер попросил:

– Расскажите, пожалуйста, какие у вас тут тюрьмы.

– Извините, ни разу там не бывал, так что мне трудно вам ответить на этот вопрос, но, думаю, не обману вас, если скажу, что там очень чисто. Один мой родственник провел в полицейском участке Ивердона два или три дня, но особенно дурных воспоминаний у него не осталось.

– Тем лучше! Я и не ждал ничего другого от такой образцовой страны, как Швейцария.

Адальбер через Сиприена передал тетушке Амели, что благополучно добрался до места, но умирает от усталости и немедленно ложится спать. Он обещал, что непременно позвонит ей завтра.

«Довлеет дневи злоба его» – Адальбер никогда не забывал этого евангельского изречения.

А в это время Альдо, прямо скажем, не по своей воле продолжал копить материал для исследования, которое задумал написать: «Сравнительный анализ тюрем разных стран и обращение в них с узниками». По непонятной причине стражи порядка, отправлявшие его в тюрьму в этих самых разных странах, испытывали к нему инстинктивную ненависть. Не подвластны проклятию, тяготевшему над судьбой Альдо, оказались только трое: главный комиссар Пьер Ланглуа, который поначалу еще не был главным полицейским Франции, суперинтендант Гордон Уоррен из Скотленд-Ярда и шеф полиции города Нью-Йорка. С годами Ланглуа и Уоррен даже стали надежными друзьями Морозини.

Зато опыт общения с полицией Мадрида, Турции или Версаля забыть было трудно. С Альдо обращались как с заведомым преступником, и его княжеский титул не только ему не помогал, но даже приносил вред. Можно было подумать, что неприятности, которые адресовались потомку старинного рода, были особым редкостным наслаждением для полицейских служак. Если бы они могли, как американские индейцы, привязать его к столбу и пуститься с дикими криками в пляску перед тем, как снять с жертвы скальп, они были бы еще счастливее.

К счастью, «комиссар» Шульцис – Альдо, не зная швейцарских чинов, так называл его про себя, – который принял его в полицейском участке Ивердона, похоже, не отличался кровожадностью. От него веяло ледяной холодностью. Он проинформировал необычного «клиента», в каком преступлении его обвиняют, не обратил внимания на энергичные возражения и осведомился, выбрал ли он себе адвоката.

– Во-первых, я никого здесь не знаю, во-вторых, никогда и в мыслях не имел кого бы то ни было убивать, поэтому я не вижу никакой необходимости прибегать к услугам адвоката. Тем более что я венецианец и в Швейцарии нахожусь проездом.

– Может быть, и так, но наличие адвоката в судебной процедуре обязательно. Вот вам список, можете выбрать себе любого, – и полицейский протянул Альдо листок бумаги.

– Доверить свою жизнь первому встречному? Спасибо, удружили! Если вам нужно обеспечить меня адвокатом, извольте позвонить в Цюрих, в офис моего тестя, и он пришлет мне адвоката!

– Ваш тесть живет в Цюрихе?

– Да, именно так.

– И как его фамилия?

– Мориц Кледерман, банкир. Если его не окажется на месте, секретарь скажет, где его найти.

Фамилия цюрихского миллиардера пробила брешь в ледяной уверенности полицейского.

– Господин Кледерман ваш тесть? – спросил он, не скрывая удивления. – И как же это случилось?

– Очень просто, – язвительно сообщил Альдо. – Несколько лет тому назад я женился на его дочери Лизе, и она подарила мне троих детей.

– В таком случае мы можем позвонить в Венецию и поговорить с вашей женой.

– Нет, не можете. Она сейчас гостит у своей бабушки в Австрии.

– Вот оно что!

Полицейский явно подумал про себя, что с таким «клиентом» ему в самом скором времени придется обращаться в Лигу Наций. Альдо между тем попросил оказать ему любезность и сообщить подробности совершенного им преступления.

– Вчера вечером, примерно около семи часов, вы убили Георга и Марту Ольже в имении «Сеньория», которое они охраняли и где работали слугами.

– Господи, боже мой! Бедные они, бедные! – Альдо был потрясен, но все же спросил: – И как же я это сделал? Выстрелил из пистолета?

– Нет. Вы зарезали их ножом. Нож был найден возле убитых.

– Ножом? Тогда действительно это я. Нож – мое любимое оружие, – произнес Альдо, бледнея при мысли о пролитой крови и благодаря судьбу, которая помешала ему прихватить с собой любимый кинжал с острым тонким лезвием. Это оружие на случай непредвиденной опасности он обычно вешал на пояс под правую руку и мог воспользоваться им в случае необходимости в любую минуту. – И что же? На рукоятке нашли мои отпечатки пальцев?

– Нет, на нем вообще нет отпечатков, но я полагаю, что вы имеете привычку носить перчатки.

– Особенно в тех случаях, когда убиваю людей.

Морщина, обозначившаяся между бровей Шульциса, дала понять Альдо, что черный юмор, к которому он прибег, чтобы хоть как-то разрядить обстановку, не одобряется начальством, в чьих руках он сейчас находился. И следующий вопрос он задал довольно безразличным тоном.

– Могу я узнать, кто меня обвиняет?

– Сосед, который видел, как поспешно вы уезжали, и который предупредил их сына. Вы же не будете отрицать, что приезжали в «Сеньорию»?

– Разумеется, не буду. Но уехал я оттуда около четырех и совершенно не торопился. Спокойно сел в автомобиль и...

– Куда поехали?

– Во Францию. Мне нужно было попасть в Понтарлье. И где-то в половине пятого я пересек границу. Вы можете получить подтверждение.

– Пограничники на все смотрят сквозь пальцы, тем более что номер вашего автомобиля указывает, что он из кантона Во. Что вы собирались делать во

Франции?

- Ехал на вокзал в Понтарлье, хотел встретить знакомого.

- Из вас слова нужно клещами вытягивать? Кого именно?

- Не думаю, что вас это касается. В любом случае я никого не встретил и вернулся в Сент-Круа, где меня и арестовали, о чем вы знаете не хуже меня. А теперь я хочу знать, как будет проходить дальнейшее следствие?

- Если бы вы были местным, вы бы находились под нашим наблюдением по месту жительства. Но вы иностранец, а французская граница у нас буквально в двух шагах. И на то время, пока вы будете искать адвоката и находиться под следствием, вы...

- Если я вас правильно понял, вы не собираетесь больше искать убийцу. Вы убеждены, что взяли под стражу виновного, коим оказалась моя персона, и собираетесь настаивать на моей вине?

- Что бы вы там ни понимали, господин Морозини, мы как люди серьезные ничего не делаем наполовину. Если вас отпустят – предположим, что это случится, и я вам этого желаю, – то потому, что мы целиком и полностью будем убеждены в вашей невинности. А пока вам придется остаться в нашем обществе. И учтите, что обвинение вам предъявлено по всей форме.

- Ясно, – вздохнул Альдо, – чем дальше, тем веселее. Могу я просить вас хотя бы о соблюдении предельной сдержанности? Я дорожу своей репутацией и не хочу, чтобы на нее ложилась тень, будучи уверен, что моя невинность в этом деле будет доказана.

- Посмотрим.

Через несколько минут Альдо поместили в камеру, в самом деле, очень чистую, где стояли кровать, параша и лежала стопка бумажных платков. Знаменитая швейцарская чистоплотность распространилась и на тюрьмы. Альдо подумал, что каждое утро он будет видеть в камере уборщицу со щеткой, ведром и пыльной тряпкой.

По большому счету не слишком тревожась и зная, что Адальбер перевернет землю и небо, чтобы вытащить его из этой дыры, Альдо растянулся на жестком матрасе, собираясь хорошенько все обдумать. И совершенно неожиданно заснул.

Но сон не был для него благом, во сне его подстерегли мрачные образы подсознания. Альдо снились кошмары. Главной героиней в них была План-Крепен. Два человека в масках намеревались бросить ее в бездонный колодец форта Жу, а рядом с колодцем, заливаясь слезами, стояла на коленях тетя Амели...

Глава 2

Снова кровь

Адальбер в эту ночь спал мало. Сначала он ждал звонка Ланглуа.

Тот позвонил где-то около полуночи, сняв с души хозяина гостиницы камень, потому что все это время он оставался на посту, не решаясь оставить незнакомца-француза, пусть даже вполне симпатичного, одного в большом нижнем зале. Теперь он наконец-то мог пойти спать. Нельзя сказать, что его не впечатлил суровый голос, который объявил: «Префектура полиции города Парижа». Но выслушать дальнейшее ему не пришлось, Адальбер буквально вырвал у него из рук трубку[5 - За исключением самых роскошных гостиниц, в номерах тогда еще не было телефонов. (Прим. автора.)].

С первых же слов Адальберу стало ясно, что шеф полиции пребывает в отвратительном настроении. Может быть, он не выспался?

- Ну, что там у вас? Вы нашли мадемуазель дю План-Крепен?

- Нет, пока не нашли. Но сегодня утром в гостинице арестовали Морозини...

- Что? Что?!

Ланглуа заорал так громко, что Адальбер инстинктивно отстранил трубку от уха и вновь приложил ее к уху как раз в тот момент, когда шеф задал новый вопрос.

- Какое предъявили обвинение?

- Убийство двух человек – Георга и Марты Ольже, работавших в имении «Сеньория» в Грансоне. Морозини по приезде отправился прямо туда, надеясь поговорить с их хозяином, но не нашел его. Гуго де Хагенталя не было ни в «Сеньории», ни на «Ферме».

- Он туда ездил?

- Куда?

- На «Ферму». Послушайте, старина, я понимаю, что вы устали, но и я тоже устал, поэтому постарайтесь говорить яснее. Почему Морозини не поехал на «Ферму»?

- Он хотел встретить Мари-Анжелин в Понтарлье и следовать за ней, когда она сойдет с поезда. Он предполагал, что она приедет.

- Ах, он предполагал? Предполагал, значит? Может, она написала в письме, когда прибывает ее поезд? Она вполне могла приехать другим поездом и на другой вокзал. Не исключаю и путешествия на автомобиле, хотя вряд ли оно пришлось бы ей по душе, но...

- Вы считаете, что мадемуазель дю План-Крепен поехала вовсе не в Понтарлье?

- Да именно так я и считаю!

- Очень любопытно, а вот инспектор Дюрталь не исключал такой возможности. Альдо видел его на вокзале, когда прибыл поезд.

- Естественно! Мы не упускаем ни одной возможности, даже если она невероятна! И где теперь находится наш дорогой князь?

- Его отвезли в полицейский участок в Ивердон, чтобы допросить.

- Процедура повсюду одинакова. Он назвал им своего адвоката?

- Но у него никогда не было адвоката! Зачем он ему? Во всяком случае, я ничего не знаю об адвокате Морозини, хотя вообще-то знаю о нем немало.

- Ему дадут кого-нибудь из местных, и бог знает, чем это может кончиться. Итальянец, пусть даже из Венеции, которого обвинили в убийстве двух швейцарских граждан. Можете поверить, что адвокат не станет себя сильно утруждать.

- Может быть, мне стать его адвокатом? Вы же знаете, что у меня есть диплом юриста!

- Да, можно было бы, но в вашем удостоверении личности ничего об этом не сказано, а от вас потребуют документа и, скорее всего, вы окажетесь в соседней камере. Ладно! Я посмотрю, что могу сделать, а вы, как я понимаю, с утра пораньше отправитесь в Ивердон?

- Конечно. Но не скрою, что сейчас просто валяюсь с ног от усталости! Сначала долгая дорога на автомобиле, потом эти ужасы с Альдо! К тому же и о Мари-Анжелини ни слуху ни духу. Боюсь, ей грозят серьезные опасности...

- Какой бы транспорт она ни выбрала, она, безусловно, где-то в ваших краях, и Лекко будет носом землю рыть, чтобы отыскать ее следы, пусть даже уже остывшие. Если вам удастся поговорить с Морозини с глазу на глаз, скажите ему, что я сделаю все, чтобы его вытащить. Но дело будет сложное. Когда речь идет об убийстве, швейцарцы крайне суровы.

- Прискорбно! - пробурчал Адальбер. - Нам не нужно ничего сверхъестественного, нас спасла бы обычная справедливость. Но я и здесь слышу, как вы зеваете. Давайте поспим, до утра уже недолго...

На следующее утро - часы только-только пробили восемь - Адальбер остановил автомобиль неподалеку от полицейского участка, взял с заднего сиденья чемоданчик и, не обращая внимания на дежурного у входа, ринулся в мрачное здание. Его остановил дежурный, поинтересовавшись, куда это он так резво

направляется.

– Вчера арестовали моего друга, и я принес ему зубную щетку. Надеюсь, это разрешено? Он не может обходиться без зубной щетки.

– Ну, это мы еще посмотрим! Откройте-ка чемоданчик, я посмотрю, нет ли у вас там оружия.

Адальбер повиновался, изо всех сил стараясь не расхохотаться. Его страшно смешил здешний акцент, и всякий раз, когда он его слышал, то как ни старался, никак не мог удержаться от смеха. Его веселость очень не понравилась дежурному.

– Зря вы так насмехаетесь, – заявил он. – Забирайте ваши вещички и отправляйтесь отсюда. Ваш друг прекрасно обойдется без всяких зубных щеток!

Адальбер тут же начал извиняться, пытаясь совладать с произвольным смехом, который буквально душил его – уж больно смешно этот парень говорил! Он поспешил открыть чемоданчик, показывая, что не принес ничего опасного. Пара сменного белья и всякие туалетные мелочи фирмы «Гермес». Однако Адальберу стало не до смеха, когда он услышал следующий вопрос дежурного.

– Вот это вещицы! Неужто так выгодно убивать людей?

– Если все ваши соотечественники думают так же, как вы, моему другу придется плохо. А он, между прочим, эксперт международного уровня по части исторических драгоценностей и к тому же известный во всем мире антиквар. Трудно себе представить, чтобы он пользовался дешевыми магазинами.

– Почему бы и нет? Товары подешевле служат не хуже дорогих. Но понятное дело, так называемый князь...

Кровь кинулась в лицо Видаль-Пеликорна. Разговор вполне мог закончиться потасовкой, но на шум в коридор вышел из своего кабинета начальник полиции.

– Что тут происходит? Почему такой шум? У нас тут не таможня!

Начальник тоже говорил с акцентом, но так значительно и властно, что у Адальбера не возникло ни малейшего желания посмеяться. Позади начальника Адальбер разглядел монументальную фигуру инспектора Дюрталя, и у него возникло ощущение, что его послали небеса.

Мужчины объяснили, что происходит. Адальбер извинился, и все было улажено. Даже чемоданчик Морозини не вызывал больше нареканий. Адальбера пригласили в кабинет, который выглядел так же сурово, как и его начальник. На стене за рабочим столом красовался предельно простой красный с белым герб кантона с единственным украшением – ленточкой наверху, на которой было написано три слова: «Свобода и Родина».

Начальник Альбер Шульцис обвел рукой стулья, приглашая присутствующих сесть, но сам остался стоять, и его гости последовали его примеру. Он обратился к Видаль-Пеликорну.

– Полагаю, вы знакомы с инспектором Дюрталем из парижской судебной полиции?

– Конечно знаком и был приятно удивлен, встретив его у вас в полицейском участке. Доброе утро, инспектор!

– Можете прибавить, что его появление у нас пошло вам на пользу. В самом скором времени я верну вам князя Морозини, который, похоже, был обвинен в преступлении ложно. В час, когда было совершено двойное зверское убийство, Морозини точно так же, как инспектор, находился на вокзале в Понтарлье, ожидая прибытия парижского поезда. Но они не заговорили друг с другом.

– Действительно, Морозини говорил мне, что видел вас, инспектор, но не знал, заметили ли вы его в толпе.

– Заметил.

Не прерывая беседы, начальник нажал на кнопку звонка, и почти тотчас же Альдо в сопровождении полицейского появился в кабинете. Вид у него был вполне будничным и заспанным.

– Хороший полицейский видит все и вся, – продолжал начальник. – И мы, стало быть, имеем дело с хорошим полицейским. Я возвращаю вам свободу, господин Морозини. Однако вы не имеете права покинуть Швейцарию до тех пор, пока не будет найден настоящий убийца. Вполне возможно, что вы нам еще понадобится, например, в качестве свидетеля, потому что были последним, кто видел мужа и жену Ольже живыми. И раз вы были арестованы в Сент-Круа, там и оставайтесь.

Альдо недоволено сморщился. Ему не нравилось подобие свободы, которое ему вернули, хотя очень радовала теплая ванна, которую он через полчаса примет в гостинице.

– Кого вы еще подозреваете в совершении убийства? – поинтересовался он.

– Никого. Мы никого и не искали. Сообщение было настолько точным и подробным, что в этом не было никакой необходимости. В нем была описана даже ваша одежда. Вот так-то. Можете отправляться, но, само собой разумеется, ваш паспорт останется у меня.

Монументальный инспектор Дюрталь подал голос:

– Вам недостаточно слова офицера судебной полиции Франции?

– Извините, но недостаточно. Особенно в данном случае, так как мне кажется, что вы связаны с князем Морозини дружескими узами.

– Не мое дело дружить с князем. С ним дружит патрон, и если вы знаете главного комиссара Ланглуа, то понимаете, что долг для него всегда на первом месте. К вам меня отправил он. Стало быть, вы не доверяете главному комиссару Ланглуа. Вряд ли он будет доволен таким положением вещей.

– Не будем преувеличивать. Я освобождаю князя, но не хочу, чтобы он куда-то уезжал до нового распоряжения.

– Если мне нельзя съездить даже в Понтарлье, я не вижу, как смогу доказать свою невиновность. Деревенька, где я остановился, очаровательна, ничего не могу сказать, но там я умру от скуки. Скажите, по крайней мере, кто написал на

меня донос?

– Вы слишком импульсивны, чтобы я сообщал вам какие-то сведения. К тому же я не имею права. Если с этим человеком что-то случится, вы автоматически возвратитесь в нашу тюрьму.

– Стало быть, в ваших глазах я по-прежнему остаюсь подлым убийцей, способным поднять руку на стариков?!

– Я ничего такого не говорил, но не забывайте, что вы находитесь под наблюдением.

На том и распрощались. Адальбер, как и Альдо, кипел от возмущения.

– Меня мало интересуют эти ничтожества! – сердито заявил Альдо. – Я бы предпочел, чтобы они занялись поисками нашей План-Крепен! Только она меня и волнует. Мне нет дела, кто кого здесь убивает и как они обращаются друг с другом!

– До меня тоже нет дела? – спросил Адальбер.

– С чего ты взял? Ты – часть меня, до тебя мне всегда есть дело.

– Подумать только!

– А ты не знал? Едем быстрее в гостиницу, мне нужно принять ванну. В таком ужасном виде я ни на что не способен!

– Скажу тебе по секрету, что за ночь ты не стал таким уж грязным. Потерпи еще немного, потому как нам стоит сказать пару слов инспектору Дюрталю, и одно из них должно быть «спасибо». Тебе так не кажется?

– Конечно! Я ему очень благодарен! Чтобы прийти мне на помощь, ему пришлось нарушить свое инкогнито. Но, между нами говоря, я не уверен, что Ланглуа понравится, как со мной в конечном счете поступили.

– Вполне возможно, стекла будут дрожать... Но почему-то мне кажется, что Ланглуа отнесется с уважением к решению своего швейцарского коллеги. Хотя при первой же возможности постарается расплатиться с ним той же монетой. Как бы там ни было, мы не у него в подчинении. А вот и Дюрталь!

Дюрталь как раз спускался по лестнице и, увидев, что друзья его ждут, подошел к ним.

– Я вам страшно благодарен! – воскликнул Альдо, пожимая инспектору руку. – Если бы не вы, я сидел бы целую вечность в швейцарской тюрьме, считаясь двойным убийцей.

Дюрталь приподнял одну бровь, вытащил из кармана плаща трубку и принялся ее набивать.

– Двойное убийство? А кто вам это сказал?

– Но... Все так говорят...

– Да, конечно, и можно понять, почему. Но на самом деле, хоть нападали на двоих, убит только один: старый Георг.

– Вы хотите сказать, что Марта...

– Ей нанесли серьезное ранение, но тем не менее у нее есть шанс выйти живой из этой передраги. Но надеяться на скорую победу не стоит. Она в тяжелом состоянии, но жива. И если ей удастся выкарабкаться, мы, возможно, узнаем, что там на самом деле произошло.

– Будем надеяться, – вздохнул немного успокоенный Альдо. – Марта – добрая чуткая женщина, я думаю, что она в отчаянии, потеряв мужа. И мы по-прежнему не знаем, где находится их хозяин. Если у нас возникнет необходимость, где мы сможем найти вас, инспектор Дюрталь?

– Я всегда останавливаюсь в одной и той же гостинице. Никогда не размещаюсь где ни попадя, всегда в «Почтовой», – отозвался Дюрталь, и что-то вроде улыбки тронуло его губы. – Мне она подходит еще и по той причине, что туда стекаются

все городские слухи...

- Да и кухня там недурна, - заметил Альдо.

- Как я понял, кухня для вас имеет первостатейное значение. Иначе, почему вы остановились в гостинице в Сент-Круа, а не в большом отеле неподалеку?

- Мне порекомендовали эту гостиницу. Как раз супруги Ольже и посоветовали. И вот теперь я там заперт и лишен возможности перемещаться. Неужели тупице было мало вашей гарантии, инспектор?

- Лично меня это не удивило. Во-первых, он из кантона Во, а во-вторых - пограничник, то есть человек крайне недоверчивый. В случае, если Марта Ольже умрет...

- Он сразу снова меня посадит. Нечего сказать, весело!

- Даже не думайте об этом! Вот если бы она вас обвинила напрямую, и то все бы уладилось, потому что патрон немедленно вмешался бы! Скажу вам прямо, граница тут, словно сыр с большими дырками. Для любого, кто мало-мальски ее знает, в ней полно проходов. Разумеется, если идти пешком. И напомню еще, что господин Видаль-Пеликорн совершенно свободен. Так что потерпите денька два-три и устройте себе каникулы. А и с Мартой что-то прояснится.

- Но ситуация все же неоднозначная. А что, если ей по неведомой причине придет в голову обвинить меня?

- Ну, тогда...

Инспектор больше не добавил ни слова, но ничего хорошего подобный расклад не сулил. Минутку подумав, он все-таки произнес:

- Тогда придется действовать патрону. Раз вы его друзья, он не остановится и дойдет до самого президента, чтобы тот пригрозил Швейцарии дипломатическим конфликтом. В общем, в любом случае вам не стоит беспокоиться.

После этой утешительной реплики они расстались, и Альдо, вернувшись в гостиницу, предался радостям гидротерапии, которая обладала чудесным свойством приводить его мысли в порядок. Безупречность была физической потребностью Альдо Морозини. Если бы обстоятельства вынудили его стать бездомным, Альдо и думать бы стал как бродяга. Во всяком случае, ему так казалось. После ванны он присоединился к Адальберу, чтобы вместе с ним пообедать, и был по-настоящему счастлив, любуясь грандиозной панорамой горных Альп, Юра и озера Нефшатель. К тому же и погода была великолепная. Гостиница уютная, еда вкусная, и друзья немного расслабились. Расслабились настолько, насколько позволяла им неунимающаяся тревога о План-Крепен. Они даже представить себе не могли, где ее искать.

– Раз она помчалась спасать Гуго де Хагенталю, то наверняка находится где-то здесь, – вздыхал Адальбер. – Но где? Территория-то огромная! Кстати, а куда ты собирался отправиться после визита в «Сеньорию»?

– Естественно, я намеревался посетить «Ферму». Когда я был в Грансоне, Ольже не слишком волновались из-за отсутствия Гуго. Но если господину де Хагенталю действительно грозила опасность и Мари-Анжелин на самом деле заплатила выкуп моим рубином, он мог уже вернуться домой.

– Я уже говорил, что в эту историю не верю.

– А в какую веришь?

– Призыв о помощи, который получила План-Крепен, исходил вовсе не от Гуго. Несчастное семейство Ольже держалось на этот счет твердого мнения: Гуго никогда бы не стал звать себе на помощь слабую женщину. К тому же он не мог не знать об интересе, если не сказать больше, который она к нему испытывала. Значит, кто-то подделал его почерк. А бедняжка План-Крепен пустилась в путь, помахав нам ручкой и забрав рубин. Доведись ей все-таки встретиться с Гуго, боюсь, это не была бы встреча в...

– Только не произноси этого слова! Не хочу его слышать!

– Что за ребячество! Мне кажется, разумнее смотреть правде в лицо. Мари-Анжелин хоть и без ума от Гуго, но, думаю, понимает, что он не платит ей

взаимностью. Думаю, он испытывает к ней дружеские чувства, вполне возможно, даже теплые, о чем свидетельствует его желание удалить ее от грозящих ему опасностей. Так на что она может рассчитывать? Умереть вместе с ним – вот самое большое ее желание.

– И соединиться навеки в вечности? – тихо и даже как-то мечтательно проговорил Альдо. – Что ж, вполне возможно, ты прав.

– Именно поэтому в своем последнем письме она заклинала нас не искать ее и не удерживать.

– И что? Ты считаешь, ее не нужно искать?

– Если бы она жила вне семьи, не стал бы. Каждый волен распоряжаться собой, как он считает нужным. Но есть семья, мы с тобой, тетя Амели. Главное, тетя Амели. Конечно, она не будет демонстрировать свое горе, но, уверен, для нее погаснет вся радость жизни. Я знаю, что ты мне возразишь: «В прошлом году тетушка Амели думала, что Зендер заберет у нас Мари-Анжелин, и не сказала ни единого слова против».

– Нет, со мной она об этом говорила, но шутливым тоном, хотя я знаю, что она боялась ее замужества. Но все же в таком случае они могли хотя бы видеться, а как быть со смертью? Разве что молить Господа, чтобы он и ее забрал побыстрее – так она могла бы вновь увидеться с утраченными близкими...

– Послушай, мы только время теряем, философствуя так и этак. Вопрос конкретный: что будем делать? Ты, например, мог бы съездить на «Ферму» и узнать, не появился ли там Гуго...

– Съезжу, конечно. А ты чем займешься в мое отсутствие?

– Постараюсь вновь хорошенько все продумать. Хорошая прогулка пойдет мне на пользу. Что ты скажешь о прогулке вдоль границы в поисках дырок, о которых говорил Дюрталь?

– Хорошая мысль, только будь как можно осторожнее.

– Не беспокойся. Погода стоит хорошая, прогулка будет просто великолепной!

Тем не менее Альдо глубоко вздохнул, глядя вслед автомобилю Адальбера, который исчез за поворотом. Машинально он сделал несколько шагов в ту же сторону, но тут же резко повернул назад и направился к гостинице. И все же он то и дело оборачивался и смотрел на дорогу, словно она притягивала его к себе как магнит. Когда Альдо осознал, что без конца оборачивается, то назвал себя идиотом.

«Ты деградируешь, мой милый!» – упрекнул он себя, постаравшись сосредоточить внимание на том, что происходит впереди. По счастью, у водителя, который мчался ему навстречу, оказалась хорошая реакция, он резко повернул руль и не задел Альдо. Проехав еще немного, автомобиль остановился, и оттуда послышался рассерженный женский голос:

– Смотрите себе под ноги и не ходите по шоссе зигзагами! Вы что, выпили лишнего? Или что с вами такое?

В «Фиате» последней модели с открытым верхом Альдо увидел сердитую даму – это была молодая привлекательная женщина лет тридцати: ослепительный цвет лица, пышные каштановые волосы, выбившиеся из-под шелкового шарфа, завязанного под подбородком, и большие голубовато-серые глаза. Она сердилась, но почему-то Альдо показалось, что она намеренно преувеличивает свой гнев. Ему не хотелось вступать в перепалку, и он вежливо улыбнулся даме.

– Примите мои извинения, мадам. Я восхищаюсь вашим хладнокровием. Я был бы в отчаянии, если каким бы то ни было образом доставил вам неприятность. Но дорога мне казалась достаточно широкой для нас двоих...

Он был уверен, что дама продолжит свой путь дальше, но нет, она пристроила машину на обочине и выключила мотор.

– Вы здесь живете?

– В данное время – да. У вас есть какие-то возражения против этой гостиницы?

Молодая женщина рассмеялась:

- Никаких. Я тоже здесь живу, и надеюсь, вам не покажется это странным.

- Ничуть. Ведь и я тоже выбрал именно эту гостиницу.

- И поселились здесь совсем недавно. Потому что я вас еще не видела.

- Да, только что, - признал Альдо.

Ему почему-то не захотелось сообщать этой очаровательной женщине, что предыдущую ночь он провел в тюрьме. Вопрос самолюбия. Да и настроение у него было сейчас хуже некуда, а нечаянная встреча приободрила его и оживила. Похоже, и молодой женщине встреча была приятна, потому что она смотрела на него, сияя улыбкой.

- Раз мы оба возвращаемся под кров гостиницы, почему бы нам не выпить по чашке кофе? Я обедала с друзьями, но они, как оказалось, не знают, что кофе не готовят с жареным арахисом. А вот здесь кофе дивный. И возвращаясь в гостиницу, я мечтала, что выпью чашечку или даже две.

- Охотно составлю вам компанию.

Альдо хотел было помочь даме выйти из автомобиля, но она уже выпрыгнула из него, показав хорошенькие ножки, обутые в туфли из темно-синей замши в тон всему остальному ансамблю - шелковому шарфу, который окутывал ее голову и шею, перчаткам и сумочке.

- Прежде чем пить кофе, давайте познакомимся. Меня зовут Елена Мареску, я румынка, говорю это сразу, чтобы вы не ломали себе голову. А вы? Как вас зовут?

- Морозини. Альдо Морозини, венецианец. Очень рад нашему...

Но собеседница его уже не слушала, глаза ее изумленно округлились, и она рассмеялась:

- Неужели эксперт в области сказочных драгоценностей? И к тому же... Князь?

– Можно сказать и так, но...

– Вот неожиданное везенье! Приехать в неведомый уголок, чтобы подышать живительным горным воздухом, отдохнуть от светской суеты и встретить волшебника Мерлина! Нет! Это что-то невероятное! Волшебная сказка, да и только!

Альдо ее восторг не порадовал. Еще минуту назад он полагал, что хоть от каких-то своих обязанностей он получит передышку, но, как говорится, слава всегда бежит впереди. Неужели ему никогда не встретит человека – а точнее, женщину, – которая увидит в нем такого же мужчину, как другие, будет с ним говорить о чем угодно, только не о драгоценностях?

По сути, он должен тотчас же сообщить своей новой знакомой, что находится под полицейским надзором – будем надеяться, временно! – и что пополнить сейчас список его друзей – дело отнюдь не безопасное. И что? Она убежит от него? Ему было бы жаль... Ее лучезарная улыбка придавала ему бодрости в достаточно мрачную минуту его жизни... И все же он не мог скрывать от нее жестокую правду. Но он еще и рта не успел раскрыть, как молодая женщина внезапно перестала смеяться и встревоженно посмотрела на него.

– Похоже, мой энтузиазм и вообще наша встреча не слишком уместны? Вы здесь инкогнито, я правильно поняла?

– Нет, ведь я вам представился. Вот только...

– Вот только порой вам тяжело носить бремя вашей известности? Я не ошиблась?

Замечательно! Похоже, Елена Мареску не чета другим.

– Вы не ошиблись. Я здесь со своим другом...

– Вашим вторым «я»? Египтологом? Да не огорчайтесь вы так! Пойдемте выпьем по чашечке крепкого кофе и поговорим... О чем вам будет угодно!

– Почему бы не о вас? – предложил Альдо, сумев наконец снова улыбнуться. – Молодая женщина, столь же красивая, сколь умная, поистине дар небес, и я

должен быть благодарным.

– Господи! Как приятно это слышать! Пойдемте же!

И они вместе вошли в гостиницу.

Адальбер тем временем благополучно пересек границу и некоторое время колебался, какую дорогу выбрать. Все дороги походили друг на друга как близнецы. И стоящие поодаль фермы тоже. Наконец он сообразил, какая из них достойна называться просто «Фермой», словно она единственная в своем роде. Дом был больше, чем у других, и на коньке двускатной крыши красовался лев в короне, что говорило о многом. К этому-то дому и направился Адальбер, уверенный, что сделал правильный выбор. К тому же там было с кем словом перемолвиться – на просторном дворе молодой человек чистил скребницей великолепного вороного с лоснящейся шкурой.

Молодой человек прервал свою работу только, когда автомобиль подъехал совсем близко. Красавец был откровенно недоволен и сдвинул густые брови.

– Что вам здесь надо? – спросил он без тени любезности. – Пират-чистокровка не выносит никого, кроме своего хозяина и меня!

– Я ни в коем случае не хотел бы вам докучать, – отозвался Адальбер, приглушив мотор. – Но если вы Матиас Ольже, то мне нужно поговорить именно с вами.

– Со мной? С какой стати?

Адальбер вышел из автомобиля и не спеша направился к молодому человеку.

– Я ведь на ферме господина Гуго де Хагенталя, не так ли? – подчеркнуто вежливо осведомился он.

– Так оно и есть. Но хозяина сейчас нет дома. И если вы приехали ко мне, то я не понимаю, при чем тут хозяин?

– Своим присутствием он поддержал бы вас в том испытании, о котором я имею несчастье вам сообщить.

– Здесь он или не здесь – ничего не меняет. Говорите, что за новость вы мне привезли!

– На ваших родителей в «Сеньории» было совершено нападение. Ваш отец погиб, и я боюсь, как бы ваша матушка не последовала за ним... Она сейчас в больнице в Ивердоне.

Адальбер ожидал, что последует взрыв чувств, изъявление горя или еще что-то в этом роде, но реакция молодого человека была совсем иной. У Матиаса только недоуменно расширились глаза, и он позвал:

– Франц!

Из конюшни появился паренек лет семнадцати.

– Предупреди свою мать, что я еду в Ивердон с этим господином. На моих родителей напали, отец убит. Займись делами вместо меня.

– Да, господин Матиас, все будет сделано.

Взяв за повод красавца-коня, Франц отвел его в стойло и тут же вернулся с плащом и перчатками, добавив, что бумажник уже лежит в кармане. Матиас переоделся и сел в автомобиль. Все происходило так быстро, что Адальбер не успел даже слова сказать. Он опомнился, когда нежданный пассажир обратился к нему:

– Чего вы ждете? Едемте! Везите меня в Ивердон, я хочу ее видеть!

При других обстоятельствах Адальбер непременно бы воспротивился. Он терпеть не мог, чтобы им командовали, тем более какой-то незнакомый юнец, но сейчас возражать не стал. Его устраивало, что на протяжении всей дороги, а от приграничной «Фермы» до Ивердона было не так уж мало километров, молодой человек будет в полном его распоряжении, так что он сумеет его хорошенько обо всем расспросить.

Но, поглядев на мрачный, упрямый профиль Матиаса, Адальбер понял, что разговорить его будет нелегко. Он пока не знал, как приступить к разговору, но Матиас, продолжая смотреть прямо перед собой, неожиданно заговорил сам.

– Как их убивали? – спросил он.

– Ножом. Отца в горло, мать в спину, когда она кинулась бежать.

– Кто?

– Понятия не имею. Думаю, полицейские в Ивердоне вам что-то скажут, хотя, судя по всему, эти парни звезд с неба не хватают. Мой друг навестил «Сеньорию» сразу после полудня, так его ни за что ни про что обвинили в убийстве.

– А какие у вас доказательства, что это не он? Что ему понадобилось у моих стариков?

– Он хотел поговорить с господином Гуго де Хагенталем. А вам я не советую отравлять себя ложными подозрениями. Мой друг находился в «Сеньории» в первой половине дня, а вечером, когда произошло убийство, он был на вокзале в Понтарлье, встречал поезд из Парижа.

– Это он так говорит и, скорее всего, лжет! Кто этот человек?

– Потом узнаете, а что касается вокзала...

– Байку о вокзале сочинил тот же самый человек? Я не вижу причин ему верить! И вы мне скажете...

– Ничего не скажу, пока мы не приедем. Помолчите и вы. У меня нет ни малейшего желания попасть из-за ваших прозрений в автокатастрофу. Запомните одно: присутствие на вокзале моего друга подтвердил офицер французской уголовной полиции.

– И они ему поверили?! – злобно усмехнулся Матиас. – Они же оба французы, так что все у них шито-крыто, но только шито белыми нитками! Рыбак рыбака видит

издалека.

– А знаете, молодой человек, что ваши умозаключения мне совсем не нравятся! И у меня возникло желание высадить вас прямо здесь. Несколько километров пешком пойдут вам на пользу. По дороге подумайте о том, что, во-первых, мой друг – венецианец, а во-вторых, инспектора Дюрталя не купишь ни за какие деньги. Когда вы его увидите, сами убедитесь.

– Это ваше мнение, а нужны доказательства, и если...

Адальбер резко затормозил, автомобиль вздрогнул и остановился. Он протянул руку и открыл дверцу.

– Выходите, – скомандовал он.

– Я?

– Вы! У меня нет проблем с дикцией. И я повторяю – выходите! Шагайте дальше пешком и немного остыньте. Я сыт по горло вашими безответственными глупостями!

– Глупостями?! Это смерть моих родителей – глупость?! Ну, понятное дело, это же мои родители, а не ваши!

Голос парня дрогнул из-за подступивших слез, и доброе сердце Адальбера смягчилось. Его пассажир уже почти вылез из автомобиля, но Адальбер успел ухватить полу его плаща.

– Конечно, я не должен был забывать о вашей родственной близости, – пробурчал он, – приношу вам свои извинения, – прибавил он и включил мотор. – Но до Ивердона извольте молчать. Все ваши истории расскажете капитану Шуль... Жульману!

– Шульцису? Это большой чин! И что, он сам занимается этим делом?

– Учитывая серьезность преступления, мне кажется, что это вполне естественно.

– Да, вы, конечно, правы. А ваша-то как фамилия?

– Адальбер Видаль-Пеликорн. Египтолог.

– А фамилию Шульцис не смогли произнести. Трудной показалась?

Матиас в самом деле пожелал сначала навестить полицейский участок, а не больницу.

И там, к их удивлению, стоило им назвать свои фамилии, как их тотчас же провели в кабинет, где офицер полиции встретил их чуть ли не с улыбкой.

– У меня хорошие новости для вас обоих, – объявил он, указывая вошедшим на стулья. – Главная: госпожа Ольже, ваша матушка, вне опасности.

Лицо Матиаса озарилось улыбкой.

– Неужели? И я могу с ней увидеться?

– Вас отвезут к ней через несколько минут.

– А отец?

– К несчастью, чудес не бывает. Если перерезано горло, человек умирает. Примите мои соболезнования.

– И мои тоже, – эхом присоединился Адальбер.

– Зато врачи говорят, что госпоже Ольже суждены еще долгие годы жизни. Нож скользнул, не задев жизненно важных органов. И она прекрасно помнит, как все произошло.

Повернувшись к Адальберу, полицейский с улыбкой произнес:

– Думаю, я могу вам доверить паспорт князя Морозини? И, прошу вас, передайте мои извинения инспектору Дюрталю. Впрочем, я сам извинюсь перед ним.

Полицейская машина повезла Матиаса в больницу, а майор Шульцис отдал Адальберу паспорт Альдо.

– Передайте ему наши сожаления, но поверьте, на том этапе расследования я не мог поступить иначе.

– Но кто дал показания против Морозини?

– Этого я вам не скажу. И поймите меня правильно. Судя по вашему душевному состоянию, получив требуемые сведения, вы можете натворить такое, что мне придется отправить в тюрьму вас.

– И вас это огорчит?

– Больше, чем вы можете себе представить!

– В таком случае найдите сами управу на лжесвидетеля! И в зависимости от понесенного им наказания, я решу, что мне делать дальше! Я с детства ненавижу доносчиков!

На прощание они пожали друг другу руки, и Шульцис уже открыл дверь, провожая гостя, как вдруг в кабинет, едва не столкнувшись с выходящим, ворвался кипящий от ярости мужчина.

– Чаша моего терпения переполнилась! – громко объявил он. – Теперь я понимаю, как швейцарцы поддерживают свою хваленую чистоту! Свой мусор они переваливают соседям, мало заботясь, что те думают на этот счет! Но случается, что соседям их мусор совсем не нравится! Ну, надо же! Видаль-Пеликорн! Что вы здесь делаете, старина?

Гневным посетителем оказался Лотарь Водре-Шомар, и он был настолько гневен, что, казалось, из его глаз сыплются искры. Комиссар не скрывал своего огорчения, и было заметно, насколько тягостен ему этот визит.

– Господин профессор! Опять вы к нам!

– Да, опять! И так просто это не кончится! Если еще раз я обнаружу мусор Сент-Круа на моих землях в Фурге, я погружу его на грузовик и вывалю у дверей вашего участка посреди прекрасного города Ивердона! Не думаю, что вам это понравится. – И без всякого перехода, повернувшись к Адальберу: – Как случилось, что вы здесь и не добрались до Понтарлье? Вы что, прилетели на самолете?

– Нет, приехал на автомобиле, и здесь у меня были срочные дела. Но я непременно собирался в ближайшее время засвидетельствовать свое почтение мадемуазель Клотильде и вам.

– Вы здесь один?

– Нет, Морозини тоже здесь, то есть не совсем здесь, то есть почти...

– И где же он?

– Он в Сент-Круа, в гостинице «Франс», я тоже сейчас туда еду.

– Я мигом все здесь улажу и поеду с вами. Уверен, вы меня поймете! Представьте себе...

– Господа! Господа! – вмешался в их беседу майор Шульцис, и тон его ясно свидетельствовал, что отпущенное ему терпение исчерпано. – Не сомневаюсь, что вы очень рады видеть друг друга, но вы в моем кабинете, а не в гостиной. И я буду рад, если вы продолжите вашу беседу в каком-нибудь более подходящем месте, например в приемной. Господин Видаль-Пеликорн мог бы подождать там несколько минут, пока мы закончим наш разговор с профессором.

– Охотно, охотно, – согласился Адальбер, которому вовсе не хотелось доставлять неудобства полицейскому. – До свидания, господин комиссар, и еще раз спасибо. Я дождусь вас, профессор, не спешите. Располагайте спокойно своим временем.

– Но не злоупотребляйте моим! – проворчал швейцарец.

Адальбер прождал четверть часа, не больше, и наконец увидел совершенно спокойного Водре-Шомара.

- Ну как? - спросил он. - Я вижу, вы получили сатисфакцию.

- Можно сказать и так. Шульцис обещал предупредить таможенников, чтобы они отвечали за линию границы. Посмотрим, что из этого получится. А теперь я отвезу вас в Сент-Круа, там мы заберем Морозини, ваш багаж и отправимся ко мне. Клотильда с ума сойдет от радости.

- Будем великодушны и дадим Морозини немного времени, чтобы прийти в себя. Хотя бы до завтра. Этот вечер нам с Альдо лучше провести в гостинице. Дело в том, что у нас, как всегда, весьма серьезная проблема, и мы должны ее хорошенько обдумать, прежде чем отправиться в Понтарлье. Мы вам все объясним, но...

- Ладно, ладно, не беспокойтесь. Мы друзья, а друзья все понимают. Надеюсь, вы на автомобиле?

- Конечно!

- Тогда поезжайте. А мне нужно сделать еще кое-какие покупки для сестры. Так значит, завтра в полдень?

- Хорошо, спасибо... Но только никому не говорите, что мы приедем и...

Адальбер замаялся, не зная, продолжать или нет. Вдруг Лотарь с несвойственной ему мягкостью осведомился:

- Ваша проблема так серьезна?

- Честно говоря, очень.

- Обо всем поговорим завтра, а пока не забывайте, что мы ваши друзья, - подчеркнул Лотарь, нажимая на два последних слова. - И когда у наших друзей проблемы, мы, случается, вмешиваемся даже в то, что нас не касается.

Прежде чем уехать из Ивердона, Адальбер заехал в больницу. Хотел справиться о состоянии госпожи Ольже и узнать у Матиаса, не собирается ли он вечером в обратный путь. Молодой человек ответил, что проведет ночь рядом с матерью. К сожалению, ей внезапно стало хуже. Он предупредил по телефону Гертруду, так что порядок в доме будет обеспечен.

Вот теперь Адальбер с чувством выполненного долга мог возвращаться в Сент-Круа.

Войдя в гостиницу, Адальбер сразу же увидел Альдо, он сидел в баре за рюмкой коньяка с водой и внимательно просматривал газету.

Адальберу давно хотелось пить, он тут же осушил рюмку Альдо и потянул к себе газету.

– Что вы себе... А, это ты! Ты не мог заказать себе коньяк?

– Мог и немедленно закажу! Просто у меня в горле пересохло и язык, как промокашка.

Морозини повернулся к бармену и поднял два пальца.

– Какие новости?

Адальбер вытащил из кармана паспорт Морозини и положил его на стол.

– Первая новость! Тебя не бросят на сырую солому узилища!

– Они нашли убийцу?

– Нет. Но теперь они точно знают, что ты не убивал, и за это можешь поблагодарить небеса.

– И кто же он?

- Ты меня слушаешь или нет? Я только что сказал, что они теперь точно знают, что это не ты. Не надо требовать слишком многого за один раз. Обвинение с тебя снято, это главное.

- Но как это произошло? И почему так быстро?

- Георга убили, а его жена осталась жива, она серьезно ранена, но будем надеяться, скоро поправится. Голова у нее совершенно ясная. Она показала на незнакомого священника, ростом куда ниже тебя. Так что в отношении этого мы можем быть спокойны.

- А «Ферма»? Там что нового?

- Там радоваться особо нечему. Получилось так, что я сообщил Матиасу о нападении на его родителей и отвез его в Ивердон. Гуго де Хагенталь по-прежнему отсутствует. Его нет вот уже двое суток. Где он, Матиас не знает, и я, стало быть, тоже.

- Как это не знает? Хозяин исчезает, словом не обмолвившись куда едет. Ты считаешь это нормальным?

- Нормальным, ненормальным - не знаю, знаю, что мы имеем дело со слугами старой закалки, которые не позволяют себе задавать вопросы хозяину. Знаю, что Гуго приходилось и раньше отсутствовать двое и трое суток, не докладывая, где он находится. Но каждый раз он благополучно возвращался домой.

- Странно! А на чем он уехал? На автомобиле? На грузовичке? На лошади?

- Вот черт! Забыл спросить!

- Ничего страшного! Завтра поедем на «Ферму» и уточним.

- Матиаса там не будет. Он остался на ночь в больнице, хотел быть возле матери. Но я тебе сообщу еще одну новость, как раз относительно завтрашнего дня: мы с тобой переселяемся во Францию!

Адальбер рассказал о своей встрече с Водре-Шомаром. Приглашение профессора, похоже, не слишком обрадовало Альдо.

- Необходимость соблюдать всяческие приличия не пойдет на пользу нашим поискам. Или ты забыл, что План-Крепен по-прежнему неизвестно где, что время бежит, а мы еще даже не нащупали направления поисков. К тому же...

Альдо оборвал свою речь на полуслове и встал: к их столику подходила нарядно одетая Елена Мареску. Она улыбнулась Альдо.

- Добрый вечер, мадемуазель. Позвольте вам представить...

- Вы прекрасно понимаете, что в этом нет необходимости, я не сомневаюсь, что это господин Видаль-Пеликорн, один из ведущих египтологов. Я с большим интересом прочитала две ваших книги. Рада нашей встрече, месье.

Улыбка мадемуазель была так обаятельна, что Адальбер сразу же улыбнулся в ответ и поклонился, а Морозини, продолжая их знакомить, добавил:

- Мадемуазель Мареску, художник-пейзажист. Ее заинтересовал малоизвестный горный уголок, где она собирается поработать. Я пригласил ее поужинать с нами сегодня вечером, но у мадемуазель встреча с друзьями в «Резиденции».

- О чем я уже пожалела, - вежливо сообщила мадемуазель. - Мне было бы так интересно поговорить с вами о ваших книгах, месье. Но если мы не поужинали вместе сегодня, можем поужинать завтра, не так ли? А сейчас я позволю себе проститься, я уже опаздываю. Опоздания - увы! - не единственный мой недостаток.

Элена Мареску пожала им руки и исчезла, оставив за собой шлейф духов безупречного тона: аромат свежести с небольшим намеком на восточную пряность, что ей очень шло. Адальбер смотрел ей вслед, насмешливо улыбаясь.

- Тебя и на пять минут нельзя одного оставить! Однако прими мои поздравления! Молодая женщина - сплошное очарование. Где ты ее откопал? На нашей гостиничной лестнице?

- Нет, я шел по шоссе, и она чуть меня не раздавила.

- Ну надо же! Я понимаю, такие переживания сближают! Но ты меня зря упрекал за небрежение в поисках бедняжки Мари-Анжелин. Чем занимался ты? Флиртовал с хорошенькой незнакомкой?

- Не говори глупостей! Признаюсь, мне было приятно провести часок в ее обществе. О чем мы только не болтали, не сказав ни слова об украшениях и драгоценностях. О фараонах тоже, потому что она знала, что ты египтолог. В той дурацкой ситуации, в которой я оказался, она... Она сыграла роль освежителя. Именно так. Это самое подходящее слово.

- Согласен, целиком и полностью. А вот если мы переселимся в дом к профессору, освежаться будет гораздо труднее. Ты поэтому так напрягся?

- Что за глупости! Завтра посмотрим. Сейчас у нас одна цель - План-Крепен!

- В Понтарлье у нас будет гораздо больше шансов что-то выяснить о бедняжке.

Известие об отъезде друзей Елена приняла философски.

- Я здесь поселилась надолго. Кто знает, быть может, вы найдете время и приедете поболтать со мной.

- Мы непременно так и сделаем! - с жаром уверил ее Адальбер и чуть позже с тем же жаром сказал Альдо: - Ты был прав! Совершенно потрясающая девушка. Жаль, что приходится так скоро с ней расставаться. Ты заметил, какие у нее глаза?

- Ммм... Я думаю, серые, - ответил Альдо, чувствуя себя неуютно от лжи.

Конечно, он знал, какого они цвета. Разве он мог не заметить небесную синеву сродни той, что сияла в глазах Полины Белмон? Тоже художницы, единственной женщины, которая на миг подвергла опасности его любовь к жене Лизе. Альдо предпочел перевести разговор на другую тему.

– Я все думаю, правильно ли мы сделаем, если переселимся к Водре-Шомару? Боюсь, мы окажемся там у всех на виду, а Мари-Анжелин настойчиво просила, чтобы ее не искали.

– Мало ли что она просила! Простая вежливость с ее стороны, ничего больше. Она достаточно хорошо нас знает, чтобы думать всерьез, будто мы будем сидеть у камина в шлепанцах, в то время как она подвергается смертельной опасности. После того как она отдаст третий рубин, ее не ждет никакая награда. И ее рыцарь без страха и упрека, ради которого она готова пожертвовать всем, спасти ее не сумеет. Его самого нужно сначала отыскать. Так что если и есть у нас помощник в поисках, то только Водре-Шомар!

Что на это возразить?..

Прием, ожидавший гостей в усадьбе, был самый теплый. Клотильда расцеловалась с ними, словно они были близкой родней, и пожурила за то, что они не взяли с собой «нашу маркизу» – она инстинктивно стала называть Амели де Соммьер точно так же, как План-Крепен. Оставить ее одну в особняке возле парка Монсо казалось ей большой неосторожностью. Конечно, слуги ей преданы, но и они уже не молоденькие.

– Она там не одна, уверяю вас. Наш друг Ланглуа взял ее под свое особое покровительство, а везти ее с собой на поиски План-Крепен в ее-то возрасте, поверьте, было бы безумием.

– Вы же знали, куда отправляетесь, неужели вы не подумали, что можете поселить ее у нас? Конечно, мы не форт Жу с его могучими стенами, пушками и неприступной скалой, но, поверьте, наш дом тоже надежен и крепок. Очевидно, дело в другом: несмотря на искреннее тепло нашей дружбы, вы не чувствуете к нам достаточного доверия. Наша дружба кажется вам слишком скороспелой, чтобы на нее полагаться, – заключила Клотильда, и ее огорчение искренне тронуло друзей.

– Думайте все, что хотите, – отозвался Альдо, – но мы доверяем вам всем сердцем и полны к вам дружеского расположения. И мы, и «наша маркиза» тоже.

– Только из дружеского расположения, – подхватил Адальбер, – мы не позволили себе ввалиться к вам с чемоданами, пистолетами и криками: «Друзья, на помощь!» С нашей стороны это было бы неделикатно, а если быть точнее, – откровенным хамством.

– Даже в хорошие времена, когда люди соблюдали хрупкий, но благородный кодекс чести, я не похвалил бы вас за вашу скромность. Теперь мы живем в дурные времена, где деликатность неуместна, – вступил в разговор Лотарь. – И теперь пора рассказать вам, что творится в наших краях с тех пор, как здесь поселились Хагентали.

– А давно они здесь поселились? – спросил Адальбер.

– Честно говоря, мы не знаем, – ответила Клотильда. – Но с некоторых пор мы стали ощущать их присутствие, этим все сказано. Граница, вопреки общепринятому мнению, вовсе не непреодолимый барьер. Особенно в горах, где прячется куда больше беглецов, чем принято думать.

– В горах, которые перегружены историей и легендами. Вы не можете себе представить, до какой степени драма последних месяцев жизни Великого герцога Запада ощутима в наших местах! Она до сих пор влияет на нашу жизнь. И на меня в частности, – вздохнул Лотарь. – И началось это со школьной скамьи. В школе кое-какие глупцы делали из герцога «дедушку с плеткой». Мне это не нравилось. Я поступил в Коллеж де Франс, стал историком, специалистом по этому периоду. Однако вернемся к Хагенталям. Корни их в Тироле, но их предки сближаются с нашими, поскольку от союза Марии Бургундской с Максимилианом Австрийским произошли Габсбурги. Единственная наследница Карла Смелого отдала свою руку тому, кто в будущем стал императором, и принесла ему в приданое душераздирающую легенду о своем отце и его сокровищах. И если судить по...

– Лотарь, – окликнула его сестра, – или ты вводишь в курс дела наших гостей, или читаешь лекцию на свою любимую тему – одно из двух.

– Что ты хочешь этим сказать?

– Хочу сказать, что если это лекция, то лучше начать ее после обеда, потому что неизвестно, когда ты ее закончишь.

– Одно другому не мешает, – проворчал Лотарь. – Но ты права, пойдёмте пообедаем. Я могу продолжить и во время трапезы.

И поскольку сбить господина профессора, если он задумал рассказать какую-то историю, было невозможно, то, проглотив последний кусочек валована и запив его стаканом арбуа, профессор продолжил свою речь ровно с того места, на котором остановился.

– И если знать, что обе ветви этого семейства одновременно повернули в сторону наших гор, то нельзя не увидеть в этом знака судьбы. Первым был барон Гуго. В тридцать лет он влюбился в Хильду, старшую дочь голландского коллекционера Ван Кирса. Выйдя за него замуж, она принесла ему в приданое один из трех известных нам рубинов. Детей у Хагенталя не было, но он наслаждался мирным счастьем, частью которого был и этот великолепный камень, связанный с трагической судьбой герцога, под обаяние которого так или иначе попадали все. Теперь мы знаем, что рубин, скорее всего, принадлежал Великому бастарду Антуану, но Хагенталь и все его домашние были убеждены, что это один из трех рубинов прославленного талисмана. Они стали придавать ему еще больше значения, когда Гуго стал крестным отцом сына своего племянника Карла-Августа, женившегося на юной и очаровательной девушке из семьи Сен-Совер, сочетавшей черты бургиньонцев с франш-контийцами. Звали ее Сесиль. Она влюбилась в Карла-Августа, а он, интересуясь в первую очередь ее приданым, сыграл роль влюбленного. Ему удалось жениться на ней вопреки противостоянию отца. Сесиль была совершеннолетней и могла распоряжаться имуществом, доставшимся ей от матери, которая умерла, когда ей было лет двенадцать. Наследство было недурное, изрядная сумма денег и два владения: маленький замок в Бургундии и имение под названием «Ферма». Но... Ради бога, Клотильда, посидите, пожалуйста, спокойно еще минутку. Или вы хотите что-то сказать?

– Да, я хочу сказать, что девушка, которая имела все, чтобы прожить счастливую жизнь, обрекла себя на несчастье, вступив в брак с Хагенталем и...

– Вы думаете, я забыл бы об этом? Ну, так я рассказываю или нет? Я привык завершать свои истории.

– Я знаю, но...

– Что? Я имею привычку чувствовать себя на кафедре Коллеж де Франс и читать лекции?

– Нет, всем согрели тарелки, а перед вами поставили баранью ногу, которая может остыть. И сейчас настало самое время воспользоваться ножом, которым вы так яростно размахиваете.

– Нелегко делать два дела одновременно! – посетовал Лотарь.

– Об этом я и говорю, – с улыбкой согласилась Клотильда.

– Голосую за лекцию, профессор! – воскликнул Адальбер. – Передайте мне блюдо, пожалуйста, я обожаю резать баранину.

Блюдо поставили перед Адальбером, и Лотарь продолжил свое повествование.

– Так где я остановился? Да-да, конечно. Сесиль считала, что перед ней открываются ворота рая, но она ошиблась. Женившись, Карл-Август, как только она забеременела, оставил ее и стал жить, как ему нравится, то в Париже, то в Ницце. Маленький Гуго появился на свет, а поскольку его отец никогда не забывал о собственных интересах, он приложил все усилия, чтобы крестным отцом его сына стал барон Гуго, хотя между ними никогда не было ни малейшей симпатии. Дело, конечно же, не в симпатиях, барон был бездетен, и этот факт Карл-Август считал самым главным. Прекрасная возможность опустить рубин к себе в мешочек. А до тех пор он без зазрения совести расточал состояние жены, с которой, по слухам, обращался довольно плохо. Несчастливая обожала его по-прежнему, и люди, щадя ее и уважая, предпочитали не касаться этой печальной темы. На «Ферме» супружеская пара бывала редко. Только в тех случаях, когда возникала необходимость навестить «Сеньорию». Маленький замок в Бургундии Карл продал, когда деньги начали иссякать. Жили они в Инсбруке. Сесиль умерла скоропостижно, Карл выказал глубокое горе, которого на самом деле не испытывал, и собрался продать «Ферму», но она принадлежала Гуго. Это было то неотчуждаемое имущество, распорядиться которым могли только прямые наследники – женского или мужского рода – Сен-Соверов. Между тем Гуго подрастал. Сначала учился в интернате, потом стал студентом. Он почти никогда не приезжал в Инсбрук, зато на «Ферму» наведывался очень часто, где виделся со своим крестным, к которому искренне привязался. Зато его отец никогда не показывался в «Сеньории», хотя рассчитывал на нее как на

наследство, будучи ближайшим родственником. Карл-Август был слишком занят, он вел весьма веселую жизнь по преимуществу во Франции, коллекционируя любовниц. Он знал, что Гуго-старший сменил национальность, но не подозревал об особенностях его завещания. Ваше появление на его горизонте, дорогой мой князь, изумило его до крайности. Вот что, в самых общих чертах, я хотел вам сказать. И надеюсь, говорил не слишком долго? – он насмешливо посмотрел на сестру.

– Сейчас я принесу горчицу, майонез и корнишоны. А баранина, наверное, остыла, – сказала в ответ сестра.

– Не сочтите мои слова нескромностью, профессор, но... – начал Адальбер.

– Если вы хотите что-то спросить, не стесняйтесь, мой друг! Главное мое желание – это заправить ваш фонарь маслом, чтобы он как можно лучше осветил странный ход событий, которые стали тревожить нашу мирную жизнь франш-контийцев после смерти старого барона Гуго. Я вас слушаю!

– Мне показалось, что у вас есть личные причины не любить Карла-Августа? Они как-то связаны с тем, что он находился в близких отношениях с госпожой Изолайн де Гранльё?

– Безусловно. Мы с Клотильдой очень дружили с госпожой Гранльё и питали к ней глубокое уважение. После смерти сына она фактически затворилась у себя в замке. Известие о ее смерти потрясло нас до глубины души.

– Считаете ли вы именно этого человека виновником ее смерти?

– Не имея никаких доказательств, я не имею права обвинять его, но голову отдам на отсечение, что именно он организовал это преступление, хотя, конечно, кинжала в руках не держал, он слишком хитер для этого. Добавлю, что и внезапная смерть бедной жалкой невестки Элеоноры тоже мне кажется подозрительной. Разрыв сердца от сильного страха. Говорят, что сердце у нее было слабым. Карл-Август в это время находился в Брюсселе. Я не могу понять, каким образом, но чувствую, что без него тут не обошлось. Однако не мои подозрения послужили причиной, по которой я прогнал его с нашего праздника. Вас интересует именно этот инцидент, не так ли?

– Признаюсь, что так. И как могло быть иначе? Вы так гостеприимны, так великодушны...

– Да наше трехсотлетие удалось! И я был так счастлив! Но появление Карла-Августа вывело меня из себя. Режий показал себя последним остолопом, когда привел этого типа к нам!

– Если позволите, продолжать буду я, – твердо заявила Клотильда. – Этот человек не так давно стал за мной ухаживать с настойчивостью, доходящей до назойливости. Он преследовал меня повсюду вопреки моему отказу его слушать. Видя это, мой брат не стал препятствовать своему гневу и выставил его за дверь в прямом смысле этого слова. Он просто дал ему пинок под зад!

– И у него хватило дерзости вернуться? – изумился Альдо.

– У таких людей на все хватает дерзости. Он счел, что, если придет со старым дураком Режием, которого мы знаем сто лет и который мухи не обидит, мы примем и его, чтобы уважить старика.

– Но не мог же Хагенталь думать, что вы примете его с распростертыми объятиями?

– Примут его или не примут – было для него не важно, он хотел воспользоваться присутствием у нас большого общества и заявить о себе как о новом владельце Гранльё. Женитьба на Мари, а она далеко не бедная невеста, позволит ему содержать замок и имение в самом блестящем виде. К тому же в таком случае мы становимся соседями. Исполнится его желание наблюдать за всем, что происходит у нас. Но я ни в коем случае этого не допущу.

– Думаю, вам не стоит так волноваться, – мягко проговорил Альдо. – Главный комиссар Ланглуа держит этого негодяя на мушке, и, думаю, Хагенталью придется с ним считаться. И с нами тоже!

После обеда все направились в гостиную пить кофе, где желающие могли заодно выпить по рюмочке и выкурить сигару. По дороге Альдо успел шепнуть Адальберу:

– Поухаживай немного за мадемуазель Клотильдой. Мне нужно поговорить с ее братом.

Адальбер слегка кивнул в знак согласия, и Альдо остановился возле Лотаря, который рассматривал бутылки, думая, какие выбрать.

– Как вы думаете, по какой причине, не говоря о том, что ваша сестра – очаровательная женщина, и вы люди не бедные, этот человек хотел войти в вашу семью? У него теперь есть три рубина, не так ли?

– Вы думаете, рубинов ему достаточно? Разве вы забыли, что в талисмани Карла Смелого был еще и бриллиант?

– Но я не думаю, что владелец бриллианта – вы.

Лотарь нашел наконец бутылку старого арманьяка и налил рюмочку.

– Кто вам это сказал? – спросил он, смеясь.

– Я сделал такой вывод, вспоминая вопросы, которые вы мне задавали, когда мы гостили у вас впервые.

– И которые показались вам дотошными и скучными?

– Не стану с вами спорить. И еще мне тогда показалось, что вы пригласили нас лишь для того, чтобы без помех выжать меня как лимон.

– Не могу сказать, что вы полностью ошибались. Добавлю, что вы в самом деле кладезь ценнейших сведений, и репутация ваша вполне заслуженна. Но я тоже вам не солгал, сказав, что, по моему мнению, важнейшая часть талисмана, пропавшего после Грансона[6 - Битва при Грансоне – одно из сражений Бургундских войн. Произошло 2 марта 1476 года около города Грансона между швейцарскими войсками и армией бургундского герцога Карла Смелого. Закончилось победой швейцарцев.] и Муртена[7 - Битва при Муртене – одно из самых значительных сражений Бургундских войн. Произошло 22 июня 1476 года около крепости Муртен в кантоне Берн между швейцарскими войсками и армией бургундского герцога Карла Смелого. Закончилось убедительной победой

швейцарцев.], не утрачена. Это мнение подкреплено солидными основаниями.

– Вы напали на след бриллианта?

– Вполне возможно, но с вашего позволения, мы поговорим об этом позже и наедине. Я убедился, что вам можно доверять секреты.

– А Видадь-Пеликорну?

– Ему тоже, вы же побратимы, и он, можно сказать, ваше второе «я». Но я совсем не хочу, чтобы о моих тайнах узнала моя сестра. Я забочусь о ее душевном покое. В нашем скверном мире у меня нет человека дороже ее.

– Благодарю за доверие. Воспользуюсь им и позволю себе задать еще два вопроса. Первый: почему Гуго де Хагенталь и Карл Смелый так похожи?

– Над этим вопросом я размышляю не первый год и до сих пор не нашел подходящего ответа. Предположим, работает закон Менделя[8 - Законы Менделя – это принципы передачи наследственных признаков от родительских организмов к их потомкам, вытекающие из экспериментов Грегора Менделя. Эти принципы послужили основой для классической генетики и впоследствии были объяснены как следствие молекулярных механизмов наследственности.]... Но каким образом? И чтобы через столько веков... Грешить можно только на одну из любовниц герцога Филиппа. Мать Карла, герцогиня Изабелла Португальская, была женщиной беспорочной добродетели.

– Стало быть, игра природы?

– Не вижу другого объяснения. Природа способна на все, и никогда не знаешь...

– В любом случае это проблема второстепенная. Главное, я хотел бы узнать, где сейчас молодой Хагенталь. Если бы мы знали, где он сейчас находится, мы бы обрели возможность отыскать Мари-Анжелин. Не кто иной, как он вызвал ее...

– Нет! Вот в это я никогда не поверю! Играть чувствами бедной девушки, чтобы спасти свою шкуру? Нет! На такое он не способен!

– Но вы можете сказать, где он?

– Рад бы, да не могу. Повторю только то, что вам известно: время от времени Гуго де Хагенталь исчезает на несколько дней, не говоря никому, куда он отправляется.

– Даже своим верным слугам? Мне это кажется странным.

– А им нет. И ему тоже.

– Потому что он и впрямь из другого века, и отношения у них вполне... феодальные?

– Или потому что в его жизни есть кто-то, чье присутствие он хочет любой ценой скрыть.

– О чем вы? О женщине? Если бы это была женщина, он бы на ней женился!

– Даже на замужней?

Глава 3

Мужчина из другого века

Вот уже несколько дней погода радовала теплом, яркой синевой безоблачного неба, веселыми ласточками, которые сновали туда-сюда, строя себе гнезда. Но Альдо, глядя на мирную радостную картину, по-прежнему ощущал лишь тревогу и беспокойство. Прошло уже пять дней, как План-Крепен исчезла, а они до сих пор не нашли даже ее следов. Слабый сигнал поступил лишь с Лионского вокзала: в зале ожидания один носильщик обратил внимание на даму в тирольском наряде: длинное темно-зеленое пальто из лодена, фетровая шляпа того же цвета с кисточкой и завернутыми сзади полями по моде Людовика XI, собранные в узел светлые волосы. Поставив у ног чемоданчик, дама изучала расписание. Ее острый нос был несколько длинноват.

Но не только План-Крепен мешала Альдо Морозини наслаждаться весной в горах, были и другие причины. Только что Пьер Ланглуа, начальник парижской полиции и его друг, попросил его по телефону:

– Постарайтесь убедить госпожу де Соммьер съездить навестить какой-нибудь из фамильных замков. Почему бы не Страну Басков и мадемуазель де Сент-Адур?

– Она канонисса, к ней надо обращаться «мадам», – машинально поправил комиссара Альдо.

Голос полицейского, разумеется, сразу зазвучал гораздо жестче:

– Вы всерьез считаете это важным, когда я говорю, что обстановка в квартале Монсо внушает мне подозрения?! Вы ничего не поняли, позвоните к телефону Видаль-Пеликорна!

– Простите, пожалуйста! У меня сейчас столько забот! Я не сразу включаюсь в новые проблемы.

– Повторяю! Садовники парка Монсо со стороны улицы Веласкеса нашли под рододендронами мертвую змею, не ядовитую, из семейства ужей, но такой величины, что она напугала бы кого угодно. Я уверен, что сердце госпожи де Гранльё-младшей остановилось при виде именно этой змеи. Не знаю, как вы, но я бы точно умер, увидев, как из-под моей кровати ночью выползает змея!

– Но не дьявол же притащил ее к ней в спальню! Почему потом никто не забрал эту змею?

– Вы меня спрашиваете? Мне нечего вам ответить. Зато могу сказать другое. Мне было бы гораздо спокойнее, если бы маркиза дышала свежим воздухом где-нибудь подальше от парка Монсо.

– А разве вам трудно обеспечить ее безопасность?

– У меня миллион дел, и я не могу постоянно отряжать к ней в особняк двух своих сотрудников! Если не к кухне, то маркиза может поехать в «Рудольфскрон». Там ей будут только рады.

- Безусловно. Да я думаю, что и здесь...

- Ваша мысль мне тоже кажется удачной, тем более что пока мы так и не узнали, где находится Мари-Анжелин.

Адальбер, уже вооружившийся второй трубкой, чтобы уловить каждое слово из драгоценного разговора, не упустил возможности капнуть немножко яду. Он удивленно округлил глаза и шепнул:

- Он уже зовет ее по имени. Жди, что со дня на день попросит ее руки!

- Не валяй дурака! - прошипел Альдо, прикрывая рукой трубку. - Нашел время для шуток!

- Скажи, что мы немедленно поговорим с маркизой и будем держать его в курсе. Вешай трубку! Я срочно еду за ней, тем более что мадемуазель Клотильда огорчилась, что мы не привезли маркизу с собой. Пятьсот километров - не бог весть какой конец. Звони тетушке Амели и скажи ей, что я скоро приеду.

В самом деле решение было оптимальным. Альдо и в голову не пришло возражать, тем более что Клотильда, когда он спросил у нее согласия, в прямом смысле слова бросилась ему на шею.

- Я не решалась попросить вас об этом! Она! Она такая! Я! Я сейчас же скажу, чтобы маркизе приготовили комнату!

Альдо заказал телефонный разговор с Парижем, а когда через час в особняке на улице Альфреда де Виньи раздался звонок, к телефону подошел консьерж Жюль и сообщил: госпожа маркиза минут тридцать пять назад изволила уехать вместе с шофером Люсьеном. Да, она изволила уехать на машине.

- Уехала? И куда же она уехала?

- Она не пожелала известить меня об этом и не сказала, когда вернется. Вполне возможно, завтра. Если ее отсутствие затянется, она обязательно известит нас об этом. Больше мне нечего сказать господину князю, и пусть он мне поверит, я глубоко этим огорчен. Но господин князь прекрасно знает, что бывают дни,

когда с госпожой маркизой не поговоришь.

- Да, конечно, разумеется. А много она взяла с собой багажа?

- Чемодан и несессер.

- Позвоните мне, Жюль, сразу же, как только появятся новости. И постарайтесь не слишком тревожиться!

- Постараюсь, господин князь, постараюсь!

Альдо повесил трубку, сел и закурил сигарету. Сигарета всегда помогала ему сосредоточиться. Теперь еще тетя Амели... Час от часу не легче! Куда она могла отправиться на своем «Панар&Левассоре»? Знаменитый автомобиль, вылизанный, ухоженный, был своего рода ископаемым, вызывающим восхищение в качестве коллекционного раритета. Не лучшая возможность проскользнуть незамеченной. «Левассор» был таким же величественным, как сама тетя Амели. А она, как искушенная путешественница, не могла не знать, что существуют куда более удобные, быстрые и не привлекающие внимания средства передвижения. Что из этого следовало?

Альдо отправился к Клотильде, намереваясь сообщить ей эту новость, и увидел, что она с двумя горничными уже готовит комнату для желанной гостьи.

- Похоже, вы зря стараетесь, мадемуазель Клотильда, - со вздохом начал он. - Тетя Амели отправилась в путешествие.

- И часто она путешествует?

- С тех пор, как Мари-Анжелин стала ее компаньонкой, - довольно часто, но они всегда пользовались более современными средствами, чем ее допотопный автомобиль. И багажа они обычно брали с собой гораздо больше... Маркиза любит путешествовать, ничего не могу сказать, но куда она могла отправиться в таком экипаже, ума не приложу! И не представляю себе, как об этом сказать Адальберу! Он же поехал ее забирать.

– Тут я ничем не могу вам помочь, но если хотите знать мое мнение, то я бы не стала волноваться на его счет. Господин Адальбер приедет и разберется со сложившейся ситуацией на месте.

– Тут вы, конечно, правы. Поездка не будет для него напрасной: заглянет к себе, навестит Ланглуа, может быть, привезет нам какую-то информацию...

– А комнату мы все-таки подготовим. Вполне возможно, что она понадобится, и госпожа маркиза сможет спокойно в ней отдыхать.

Альдо больше не докучал Клотильде, занятой обязанностями хозяйки дома. Он спустился к озеру и медленно пошел вдоль берега, закулив, по своему обыкновению, сигарету. Но очень скоро почувствовал, что даже сигарета ему не в радость. Его обуяло непривычное ощущение потерянности, ему казалось, что он один-одинешенек заброшен на край света и понятия не имеет, как ему оттуда выбираться.

А между тем как красиво, как хорошо было вокруг! В воде отражалась небесная синева, а в небесной синеве парил на мощных крыльях сокол-охотник. Все вокруг дышало красотой и величием. Величавы были вершины, покрытые снегом, леса на горных склонах, бегущие по склонам ручьи и неподвижная озерная вода, вдоль которой шел Альдо. Радовала глаз и зеленая долина с крышами ферм, изгородями и высокомерным изящным замком. Так откуда появилось странное ощущение враждебности? Пронизывающая щемящая тоска? Неужели так действует на него одиночество? Но он ведь в доме друзей, так что говорить об одиночестве просто смешно. Дело не в одиночестве, дело в какой-то аномалии, которая коснулась всех, кто был с ним рядом. Даже тетюшку Амели. Она должна была оставаться в Париже, стать своего рода информационным центром, но она вдруг отправляется неведомо куда, постаравшись, чтобы все кому не лень судачили об ее отъезде. Не хватает разве что барабана и медных труб! Интересно, какая муха ее укусила?

Решив, что усталость мешает ему приструнить разбегающиеся мысли, Альдо уселся на каменную скамью и постарался расслабиться.

Прошло какое-то время, и рядом с ним появился Лотарь Водре-Шомар.

– Я вас ищу, – заявил он. – Вы давно здесь сидите?

– Честно сказать, сам не знаю, – отозвался Альдо. – У меня пренеприятнейшее ощущение: куда ни повернусь, всюду стена. Вы с новостями?

– Немного потолковал с Вердо, нашим милым капитаном жандармерии, и, конечно же, кое-что узнал. Например, что завтра утром в Грансоне будут похороны Георга Ольже. Думаю, вы непременно захотите там присутствовать.

Альдо почувствовал, что опутавшая его серая паутина начала потихоньку расползаться.

– Конечно захочу, можете не сомневаться! А что Гуго? Он там будет?

– Понятия не имею. Прежде чем вернуться домой, я заглянул и на «Ферму», но там никого и ставни закрыты. Матиас, наверное, в Грансоне, занят приготовлениями.

– А что Марта? Как она себя чувствует?

– Тут, слава богу, все в порядке. Она вне опасности, и голова у нее в полном порядке. Вам теперь не стоит опасаться нелепых обвинений в убийстве. Хотя мне бы очень хотелось узнать, кто затеял против вас эту интригу. Возможно, завтра что-то прояснится. Пойдемте-ка наверх и выпьем чего-нибудь согревающего. Надвигается туман, а с ним сырость и холод. Клотильда уже распорядилась, чтобы всюду затопили камины.

Грустному и подавленному Альдо предложение пришлось по душе, и они провели мирный приятный вечер у камина. Лотарь, покуривая трубку, рассуждал о своем обожаемом Карле. Альдо, покуривая сигару, его слушал, а Клотильда вязала чепчик для очередного подопечного аббата Тюрпена. От Адальбера по-прежнему не было ни слуху ни духу...

На следующий день Лотарь и Альдо ровно в половине одиннадцатого вошли в церковь Иоанна Крестителя в Грансоне, где собралось уже немало народу.

– У Георга Ольже было столько друзей? – удивленно шепнул Альдо, садясь на боковую скамейку в нефе.

– Если бы он просто умер, народу было бы куда меньше, но его убили... Люди есть люди, они везде одинаковы. Кровь всегда магически привлекает к себе.

Послышался удар алебарды о каменный пол. Все присутствующие поднялись со своих мест. Гроб с телом установили на катафалк перед алтарем. Возле катафалка рядом с Матиасом стоял Гуго де Хагенталь, тоже весь в черном, держа в руке шляпу. Лотарь и Альдо переглянулись.

Все время, пока длилась панихида, Альдо не сводил с Гуго глаз и чувствовал, как мало-помалу им овладевает раздражение. Он не знал этого человека, но прекрасно понимал, что в его жизнь и в жизнь его близких этот господин вносит всегда хаос и боль. Чем дольше смотрел на него Альдо, тем отчетливее убеждался, что Гуго кровно связан с бургундским герцогом. Разве Карла когда-нибудь печалили беды и несчастья, которыми он так щедро осыпал других? Он желал стать самым великим государем своего времени, стремительно распространял свою власть, увеличивал богатства, раздвигал пределы герцогства, надеясь вновь сделать его королевством Бургундским, не обращая внимания на подданных, которым, быть может, было вовсе не по нутру его бурное царствование. Трагический конец в духе Шекспира сделал из Карла легенду.

Умри герцог Бургундский в собственной постели, как его батюшка, он остался бы в народной памяти честолюбивым меланхоликом, одержимым навязчивой идеей короны, которой так и не добился. Богатые фламандские города, из которых он вытянул большую часть богатств, мечтали только об одном: как бы им избавиться от власти бургундцев, снова стать свободными и самим управлять своими делами. После смерти Карла на их долю выпала нелегкая жизнь. В качестве приданого наследницы герцогини Марии они отошли к ее нареченному, сыну императора, и уже навсегда были оторваны от своих французских корней.

Если бы гениальный Людовик XI не был так упорен, Франция лишилась бы части своих самых богатых земель. Но сколько пролилось слез и крови для того, чтобы вернуть их обратно...

Панихида подходила к концу, Альдо шепотом спросил у профессора:

– А вы знаете, где его будут хоронить?

– Рядом с любимым хозяином, в саду «Сеньории».

– Ну так идемте!

Отпевание завершилось. Катафалк вывезли из церкви, и люди беспорядочной толпой потянулись за ним. Альдо и профессор пристроились в конце, и Альдо с большим удивлением узнал в своей соседке Элену Мареску, художницу, с которой он познакомился в Сент-Круа.

– Вы дружили с Георгом Ольже? – с изумлением осведомился он.

– Я бы так не сказала. Но художник-пейзажист вроде меня сует нос повсюду, ища самое необыкновенное, самое замечательное. «Сеньория» – замок между озером и Историей, так бы я его назвала, не могла не привлечь моего внимания, и я не раз там бывала, встречая, естественно, и Ольже. Марта охотно болтала со мной в отличие от своих суровых мужчин.

– Кстати, как она себя чувствует?

– Я навещала ее в больнице, и думаю, за нее уже можно не волноваться. Врачи настроены оптимистично. Скорее всего она вскоре вернется в «Сеньорию».

– Без мужа? Думаю, женщине в ее годах не осилить работу, которую они выполняли вдвоем.

– Наверное, сначала она поедет на «Ферму» к Матиасу, своему сыну. Как бы то ни было, уверена, что господин де Хагенталь примет разумное решение.

Профессор, видя, что Альдо разговаривает с молодой женщиной, подошел к ним с явным намерением вступить в беседу.

– Не сомневаюсь, что вы знакомы, – улыбнулся Морозини.

– Мне приходилось видеть мадемуазель, но она не удостоивала меня своим вниманием, – ответил профессор. – А где познакомились вы?

– Мы встретились в последний день моего краткого пребывания в Сент-Круа, поскольку жили в одной гостинице.

– Вы живете в гостинице, мадемуазель? Думаю, для молодой дамы жить в гостинице немного грустно? – заговорил Лотарь, не скрывая, что знакомство ему приятно.

– Вы считаете, что в этих пустынных местах находиться в доме одной, пусть даже со слугами, было бы веселее? Гостиница – просто прелесть, мне там очень уютно, даже слишком. Я выбрала ее, потому что хочу спокойно поработать, не отягощая себя повседневными заботами. И очень довольна, говорю совершенно искренне.

– Наверное, у вас появились здесь друзья?

– Очень мало. Я совсем недавно открыла Сент-Круа. Но не думайте, что я бродяжка, у меня есть постоянное место жительства. Даже два адреса. Берн, там жили мои родители. И Париж, где я училась в Школе изящных искусств. Я живу на Монмартре, неподалеку от Сакре-Кёр. Берн немного скучноват, Монмартр немного богемен. Сент-Круа помогает обрести равновесие.

– Словом, вы настоящая художница, – заметил Альдо. – И к тому же у вас оригинальное имя...

– Оно досталось мне от предка-эмигранта, но мы уже давно швейцарцы, хотя признаюсь – швейцарцы далеки от художества.

– Глядя на вас, этого не скажешь, – заявил профессор с галантностью, удивившей Альдо. Даже на трехсотлетию усадьбы Водре-Шомар он не видел Лотаря таким любезным с дамами, разве что с тетушкой Амели, в которую, по его словам, он влюбился.

Но Елена была само очарование, и Альдо с опаской подумал об Адальбере с его внезапными сердечными привязанностями.

Продолжая беседу, они подошли к «Сеньории». Последняя молитва, последнее благословение, и тело Георга Ольже было опущено в могилу рядом с

надгробным камнем барона Гуго. Присутствующие начали расходиться, прощаясь и выражая соболезнования Матиасу, от горя едва державшемуся на ногах, его трогательно поддерживал хозяин.

Альдо в это время прощался с Эленой Мареску.

– Позвольте мне вас оставить, – скороговоркой пробормотал он с легким поклоном. – Я хотел бы сказать несколько слов хозяину усадьбы.

– Тогда я подойду к нему первой. Я тороплюсь в гостиницу. Но, думаю, мы с вами еще увидимся...

– Конечно, с удовольствием.

Элена обменялась несколькими словами с Матиасом и Гуго, они поблагодарили ее за внимание, и Элену тут же сменил Лотарь, проговоривший дежурные слова сочувствия. После секундной паузы он взял за рукав Альдо и представил его:

– Дорогой Гуго, это князь Морозини из Венеции, вы уже с ним знакомы. Он хотел бы минутку поговорить с вами.

– Вот оно что? И по какому же поводу?

– Он сам вам все скажет. Но, думаю, вам известно, что он провел ночь в тюрьме по обвинению в убийстве Георга Ольже и его жены Марты?

Высокомерный молодой человек повернулся к Альдо Морозини в то время, как профессор, взяв под руку Матиаса, отошел в сторону.

– Я уже слышал ваше имя, месье. О чем вы хотели со мной поговорить?

Обращение «месье» сказало Альдо больше длинной речи.

– О мадемуазель дю План-Крепен, моей родственнице, которая поспешно покинула Париж пять дней назад, чтобы приехать к вам.

– Ко мне?!

Изумление молодого человека не поддавалось описанию. Или он был величайшим актером своего времени?

– К вам. Она уехала ранним утром и оставила вот это письмо.

Альдо протянул Гуго письмо Мари-Анжелин и внимательно наблюдал за его реакцией. Гуго побагровел от гнева.

– Я никогда не писал ничего подобного вашей родственнице! – воскликнул он, отшвыривая от себя листок бумаги, который Альдо подхватил на лету. – Но мне хотелось, чтобы вы озвучили просьбу, на которую она намекает!

– Намекает? Скажите лучше, что она ей бездумно повинуется, ни на секунду не подумав об опасности, к которой спешит, без колебаний согласившись принести себя в жертву. Надеюсь, вы не станете отрицать, что знакомы с моей кузиной? Не скажете, что не спасли ее в тот день, когда был убит инспектор Соважоль?

– Я не имею привычки лгать. В последний раз я видел ее за три дня до празднования трехсотлетия усадьбы.

– Кстати, о трехсотлети, как случилось, что вы не почтили праздник своим присутствием?

– Не понимаю, почему я должен перед вами отчитываться. Но если отбросить отчеты в сторону, то мне просто не хотелось встречаться с некоторыми персонами. К вам это не имеет отношения. К черту все вопросы!

Молодой человек повернулся на каблуках, собираясь уйти. Но Альдо крепко взял его за рукав.

– Так просто вы от меня не отделаетесь. Я вас не отпущу даже со скандалом! Вы ответите на все мои вопросы. Речь идет о жизни женщины, которую я люблю, как сестру. И я готов обыскать здесь дом за домом, перевернуть камень за камнем, только бы найти ее живой...

– Или мертвой. Потому что, вернувшись сюда, она рискует жизнью. И я ей раз и навсегда запретил сюда возвращаться.

– Запретили? Но по какому праву? Насколько мне известно, она не ваша родственница, а моя, а мы весьма щекотливы в отношении чести, прав и уважения. Так на каком основании вы могли ей что-то приказать? Или вы всерьез считаете себя возродившимся Карлом Смелым?

– Нет, но мне кажется, что я взял на себя проклятье того давнего века и скажу откровенно, что сам для себя я не выбрал бы такого лица. И, поверьте, я сделал все возможное, чтобы держать на расстоянии бедную девицу...

– Бедную девицу?! Да за одни эти ваши слова вы заслуживаете хорошей трепки! В бедной девице больше благородства и мужества, чем во всех рыцарях Круглого стола вместе взятых! Она жила мирно и счастливо до тех пор, пока несчастный случай не сделал ее свидетельницей подлого и низкого убийства, совершенного в парижской исповедальне. И она вместо того, чтобы кудахтать над жертвой, попыталась задержать убийцу. По дороге ее похитили, и она оказалась здесь, где ее ждала, как видно, судьба...

Гуго хотел что-то сказать, но Альдо взмахом руки остановил его:

– Дайте мне возможность закончить! Я знаю, тогда вы спасли ее и доставили в монастырь Благовещения.

– Где взял с нее клятву никогда не упоминать обо мне и никогда не возвращаться в Грансон.

– Она не нарушила бы своей клятвы, будь ее воля. Но она помнила об обязательствах. Например, она не могла не присутствовать на трехсотлетии в Понтарлье. А сейчас она приехала, потому что вы позвали ее на помощь. По крайней мере, она поверила, что зовете. И безоглядно ринулась в ловушку, скорее всего, смертельно опасную.

– Что я могу вам на это сказать? Я не писал ей, я никоим образом с ней не сближался, я не несу ни малейшей ответственности за случившееся... И мне не нравится, что меня сочли низким человеком, способным позвать на помощь женщину!

– Может быть, вы можете мне подсказать, кому пришло в голову расставить такую ловушку? Кто мог подражать вашему почерку? Мне нужно имя.

– Зачем?

– А как вы думаете? Или вы даже на понимание не способны? Ну так я вам скажу! Чтобы освободить ее, а если поздно, отомстить убийце!

– Отдав его в руки правосудия? – с издевкой усмехнулся Гуго.

– Мне кажется, правосудие имеет право на уважение. Или вы по-прежнему живете в Средневековье?

– Да, именно так, – заносчиво отозвался молодой человек.

– И мы не сдаем своих, даже если их ненавидим? Я вас правильно понял? Ну так послушайте, что скажу вам я, Альдо Морозини: если бы у меня была такая возможность, я бы, ни секунды не колеблясь, передал презренного убийцу слабых женщин в руки моего друга Пьера Ланглуа, главного комиссара уголовной полиции Франции! Или заколол бы его своей собственной рукой как омерзительное чудовище! И если я найду мадемуазель дю План-Крепен мертвой... А вы...

Альдо готов был бросить в лицо молодого человека оскорбление, но подоспевший Лотарь остановил его.

– Не стоит, Альдо. Мы же с вами на похоронах.

– Да, слуги, которому оказывают уважение, потому что он мертв, но никто не собирается преграждать путь убийце! – потемнев от гнева, произнес Альдо. – Может, стоит выйти за пределы клана?

Профессор крепко взял Альдо за плечо и постарался увлечь за собой, в то время как Гуго удалялся в противоположную сторону. Но Морозини еще не успокоился и тут же набросился на профессора:

– Вы не смеете оправдывать этого жалкого труса! Он... – тут губы его презрительно скривились.

– Ваш гнев более чем справедлив. Но мне хочется надеяться, что вы поймете и кое-что другое. Когда ты христианин, а Гуго настоящий христианин, то негоже доносить на собственного отца и тем более убивать его, даже если он последний негодяй, – добавил он, понижая голос до шепота.

– А равнодушно смотреть, как убивают слабую женщину, которая имела несчастье полюбить? Хоть бы сказал, где она находится! С остальным мы бы сами справились!

– Он не понимает нашей с вами логики мышления. Он не от мира сего.

– Это самое меньшее, что можно о нем сказать. Но в таком случае голубчику Гуго нечего делать в миру, как говорили когда-то. Пусть отправляется в монастырь.

– Я, знаете ли, думаю, что дело к этому и идет...

– То есть, что вы имеете в виду?

– Дни, когда он исчезает, не сказав никому ни слова о месте своего пребывания...

– И что же?

– Я вдруг подумал, что он проводит эти дни в монастыре. Я знаю, он человек фанатично верующий.

– И долго он обычно отсутствует?

– Насколько я знаю, случается по-разному. От трех дней до недели. Совсем недавно я думал, что это роман, замужняя женщина... Но сегодня, посмотрев на него, я в этом усомнился.

– Почему? Вы считаете, что он не любит женщин? Но про него известно, что он влюблен в мадемуазель де Режи, что на почве ревности он возненавидел

своего отца.

Профессор неожиданно расхохотался.

– Боюсь, вы всерьез решите, что я заядлый спорщик, но, поверьте, это не так, хотя я и не верю в чувства Гуго к мадемуазель де Режи.

– Он не любит мадемуазель де Режи?

– Мне трудно судить о его чувствах, но я убежден, что ему просто-напросто хотелось уберечь Мари де Режи от посягательств Карла-Августа. Хотя, думаю, у него нет и неприязни к прекрасному полу, так что не будем увлекаться фантазиями. Похоже, он любил, любил страстно, но предмет его страсти ушел в мир иной. Больше мне вам нечего сказать.

– Но если ваше предположение справедливо и отлучки Гуго связаны с монастырем, то почему, спрашивается, он не принимает постриг?

– Очевидно, не считает себя готовым. Что-то ему еще дорого в этом мире.

– Лошади?

– Да, лошадей он любит, и шутить над этим не стоит. Я уверен в другом: он видит низкие интриги своего отца, но вера запрещает ему посягать на его жизнь, однако не запрещает противостоять им в той мере, в какой он может это сделать. У меня есть доказательство этому предположению, но я, к сожалению, не вправе им с вами поделиться. Не будьте на меня за это в претензии.

– Полагаюсь на вас и ничуть не сетую.

– Спасибо. И напоследок скажу вам вот что: даю голову на отсечение, кладу руку в огонь, что Гуго де Хагенталь сделает все возможное и невозможное, чтобы найти и спасти мадемуазель дю План-Крепен, раз она стала жертвой манипуляций Карла-Августа.

Альдо помолчал, размышляя над услышанным, потом со вздохом произнес:

– Мне жаль, что я говорил с ним так недоброжелательно и едва не дошел до обвинений. Передайте ему мои извинения. Пусть не стесняется обращаться ко мне и к Адальберу по любому поводу, касающемуся Мари-Анжелин. Чтобы найти ее, желательно живой, мы готовы следовать за ним, не задавая ни единого вопроса.

Профессор повеселел и заметил с улыбкой:

– Относительно Видаль-Пеликорна я бы не поручился. Он любопытен... как археолог!

– А я как искатель сокровищ. А теперь, с вашего позволения, я позвоню в Париж. Мне нужно понять, где находится моя тетушка Амели.

Альдо дозвонился, и снова услышал голос старичка Сиприена: госпожа маркиза поспешно уехала вчера во второй половине дня со своим шофером Люсьеном. Она еще не вернулась. Господин Адальбер здесь не появлялся. Старый мажордом явно был взволнован. Альдо попросил его сразу же ему позвонить, когда кто-то из этих двоих появится на улице Альфреда де Виньи. Потом он попросил у своих хозяев разрешения расположиться в библиотеке возле телефона, что ему охотно и разрешили. Лотарь составлял ему компанию почти до полуночи, но наконец внял уговорам и отправился спать, оставив Альдо небольшой бар с ликерами и коробку сигар.

На рассвете озабоченный Лотарь заглянул в библиотеку. Альдо по-прежнему бодрствовал, в просторной комнате плавали синие облака дыма, пузатая бутылка арманьяка была наполовину пуста, а в большом кофейнике, который постоянно держали горячим на кухне, не осталось ни капли кофе.

– Я сменю вас, – предложил профессор, – идите немного отдохните, мой друг. Я немедленно поднимусь за вами, как только это орудие пытки зазвонит. Обещаю, что буду сидеть как прикованный. И не изводите себя беспокойством до такой степени. Мы почти у границы, в горах, телефонная связь здесь часто капризничает.

Альдо с благодарностью принял предложение профессора. Нервы, натянутые до предела, требовали разрядки. Не раздеваясь, готовый помчаться вниз по

первому требованию, Альдо повалился у себя в комнате на постель и тотчас заснул.

Проснулся он около полудня, сожалея, что не был разбужен телефонным звонком, и поспешно ринулся в ванную, где мигом принял душ, побрился, оделся и помчался вниз, чтобы сменить профессора, который, верный своему обещанию, ни на секунду не отлучался от телефона.

- Извините меня, пожалуйста, - начал с порога Альдо. - Не стоило позволять мне спать так долго!

- Спице на здоровье! А как иначе? Не сомневаюсь, что и вы при необходимости оказали бы мне точно такую же услугу. Что вы намерены сейчас предпринять?

- Звонить Ланглуа! Если произошло что-то серьезное, он в курсе.

- О чем это вы подумали?

- Стараюсь не думать ни о чем, скажу честно!

- А утром самое серьезное - это пустой желудок!

- За стол! - пригласила Клотильда, заглядывая в библиотеку с масленкой в руках. - Вот уже шестнадцать часов, как вы не ели ничего толкового!

- Один звонок на набережную Орфевр, и мы у вас в столовой, - пообещал ей брат.

Но и этот звонок, хотя телефонная линия сработала достаточно быстро, оказался таким же никчемным, как и в случае с улицей Альфреда де Виньи и улицей Жоффруа: начальника тоже не было в Париже, и никто не знал, когда он вернется.

День обернулся нескончаемым кошмаром. Телефон звонил то и дело, но ни разу не послышался голос, которого все так ждали. Стало еще хуже, когда сами набирали три заветных номера. Ответил только кабинет Пьера Ланглуа.

Сообщение было коротким: господина главного комиссара нет. Дальше гудки. Альдо объявил, что, если вестей не будет до вечера, завтра с утра он отправится в Париж и сам выяснит, что там происходит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию (<http://www.litres.ru/zhuletta-benconi/talisman-otchayannyh/?lfrom=201227127>) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

notes

Примечания

1

Вторая империя – период в истории Франции с 1852 по 1870 год. 2 декабря 1852 года в результате плебисцита была установлена конституционная монархия во главе с племянником Наполеона I Луи Наполеоном Бонапартом. (Здесь и далее, за исключением специально оговоренных случаев, примечания редактора.)

2

См. Ж. Бенцони «Талисман Карла Смелого». Т. 1.

3

В те времена аэропорт Орли еще не существовал, а уж Руасси – Шарль де Голль тем более. (Прим. автора.)

4

Изабеллы Португальской. (Прим. авт.)

5

За исключением самых роскошных гостиниц, в номерах тогда еще не было телефонов. (Прим. автора.)

6

Битва при Грансоне – одно из сражений Бургундских войн. Произошло 2 марта 1476 года около города Грансона между швейцарскими войсками и армией бургундского герцога Карла Смелого. Закончилось победой швейцарцев.

7

Битва при Муртене – одно из самых значительных сражений Бургундских войн. Произошло 22 июня 1476 года около крепости Муртен в кантоне Берн между швейцарскими войсками и армией бургундского герцога Карла Смелого. Закончилось убедительной победой швейцарцев.

8

Законы Менделя – это принципы передачи наследственных признаков от родительских организмов к их потомкам, вытекающие из экспериментов Грегора Менделя. Эти принципы послужили основой для классической генетики и впоследствии были объяснены как следствие молекулярных механизмов наследственности.

Купить: <https://telnovel.com/zhyuletta-benconi/talisman-otchayannyh-kupit>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)